ВОСПОМИНАНІЯ
ОБЪ АДМИРАЛѢ, ГРАФѢ
НИКОЛАѢ СЕМЕНОВИЧѢ
МОРДВИНОВѢ

И

О СЕМЕЙСТВѢ ЕГО.

ЗАПИСКИ ДОЧЕРИ ЕГО

ГРАФИНИ
Н. Н. МОРДВИНОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

ВОСПОМИНАНІЯ

ОБЪ АДМИРАЛѢ, ГРАФѢ

НИКОЛАѢ СЕМЕНОВИЧѢ

МОРДВИНОВѢ

И

О СЕМЕЙСТВѢ ЕГО.

ЗАПИСКИ ДОЧЕРИ ЕГО

ГРАФИНИ

Н. Н. МОРДВИНОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,
ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВѢ.
1873.

Дозволено Цензурою. С. Петербургъ. 2 апрѣля 1873.

ОПЕЧАТКИ.

Страницы.		*Слѣдуетъ читать.*
27	Соук-су	Саук-су
—	нѣпамъ	цѣпамъ
41	но и отецъ	то и отецъ
57	картины	картоны
65	Чигагова	Чичагова
74	пробрался	перебрался
83	бѣдыми	бѣлыми

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

Стран.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

Стран.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА XIII.

Стран.

ГЛАВА XIV.

ГЛАВА XV.

ГЛАВА VXI.

ГЛАВА XVII.

ГЛАВА XVIII.

ГЛАВА XIX.

I.

При Царѣ и Великомъ Князѣ Василіѣ Ивановичѣ многія орды, въ томъ числѣ и Мордва, пришли въ подданство Россіи. Въ 1546 году взятъ былъ въ аманаты Муратъ Мордвиновъ. Извѣстно что въ заложники брали народныхъ старшинъ и именитыхъ людей.

Потомокъ Мурата Мордвинова Жданъ и послѣдовавшіе за нимъ, водворясь въ Россіи на пожалованныхъ имъ помѣстьяхъ, стали вѣрными и усердными подданными ея Государей.

Четыре царскія грамоты, жалованныя Тимоѳею Ивановичу за службу его и отца его, Ивана Андреевича, свидѣтельствуютъ о ихъ мужествѣ и заслугахъ. Иванъ Андреевичъ служилъ противъ Поляковъ и Татаръ, а Тимоѳей Ивановичъ былъ во всѣхъ крымскихъ походахъ, и противъ Поляковъ, и во время стрѣлецкихъ бунтовъ, какъ значится въ грамотахъ.

Прадѣдъ мой, Иванъ Тимоѳеевичъ Мордвиновъ, старшій сынъ Тимоѳея Ивановича, служилъ съ отцомъ своимъ въ крымскихъ походахъ и послѣ отца былъ въ разныхъ походахъ, и на Дону, вмѣстѣ съ казаками для обереженія отъ непріятелей, и прозванъ былъ Донскимъ.

Въ 1700 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, онъ женился на

Авдотьѣ Степановнѣ Ушаковой. Въ томъ же году, при Петрѣ Великомъ, пошелъ противъ шведовъ и былъ убитъ 19-го ноября на штурмѣ при взятіи города Нарвы.

Прабабушка моя, Авдотья Степановна, осталась молодою вдовою. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ у нея родился единственный ея сынъ, Семенъ Ивановичъ, въ 1701 году, января 26-го.

По смерти мужа Авдотья Степановна проживала постоянно въ селѣ Покровскомъ, родовомъ имѣніи Мордвиновыхъ, дарованномъ отцу ея мужа, Тимоѳею Ивановичу за ревностную и усердную его службу, Царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами.

Авдотья Степановна была женщина высокаго ума и отличалась добродѣтелями. Оставшись двадцатилѣтнею вдовою, она посвятила свою жизнь на воспитаніе сына; но когда Петръ Великій рѣшилъ послать нѣсколько боярскихъ дѣтей за границу для образованія ихъ на пользу Россіи, то въ число ихъ былъ избранъ и сынъ ея. Тяжко было ея сердцу разставаться съ нимъ, но она съ твердостію духа рѣшилась отпустить его.

Въ 1716 году онъ записанъ во флотъ и отправленъ въ Ревель, откуда и посланъ во Францію въ числѣ прочихъ.

Въ отсутствіе сына Авдотья Степановна продолжала жить въ деревнѣ, но вела переписку съ нимъ. Онъ свято сохранялъ ея письма, которыя находятся и до сихъ поръ у насъ. Первыя письма ея были писаны его дядькою по ея диктовкѣ, а впослѣдствіи она выучилась грамотѣ и писала сама.

Достоинъ вниманія разсказъ о ея присутствіи духа при появленіи разбойниковъ въ мѣстѣ ея пребыванія. Случай этотъ поясненъ на фамильномъ образѣ Семена Ивановича, переходившемъ изъ рода въ родъ.

Вотъ содержаніе надписи, вырѣзанной на серебряной доскѣ сзади образа:

„Сія икона, Знаменіе Пресвятыя Богородицы, ознаменовалась благодатною силою!“

„Въ царствованіе Петра I повсюду въ Россіи бродили шайки разбойниковъ. Въ Новгородской губерніи, въ селѣ Покровскомъ, жила въ то время вдова, „мать Семена Ивановича Мордвинова, Авдотья Степановна. Однажды зимою ее извѣщаютъ, что чрезъ три „дня въ ея село пріѣдутъ разбойники съ своимъ атаманомъ, въ числѣ 30 человѣкъ. Услышавъ объ этомъ „крестьяне ея сильно встревожились. Она ободряла „ихъ, велѣла молиться, а сама, распорядясь встрѣтить „ихъ какъ гостей, провела все время въ уединенной молитвѣ. На третій день утромъ приготовила въ сѣняхъ накрытый столъ съ хлѣбомъ и солью и поставила на него этотъ образъ; услышавъ топотъ лошадей и шумъ у воротъ, сама вышла въ сѣни встрѣтить „разбойниковъ. Первый взошелъ на крыльцо атаманъ. „Авдотья Степановна подняла образъ; атаманъ остановился, и посмотрѣвъ на нее, сказалъ товарищамъ: „*ребята, прикладываться!*“ сдѣлалъ земной поклонъ, приложился къ иконѣ и поцѣловалъ руку Авдотьи Степановны. Тогда она поставила образъ на столъ, и отворивъ дверь въ столовую, сказала: „милости просимъ „дорогіе гости!“ За столомъ она сама угощала ихъ.

„Атаманъ просилъ не подавать вина. Послѣ обѣда атаманъ перекрестился и сказалъ: „Ну, матушка Авдотья „Степановна, не съ тѣмъ пришли мы, чтобы пировать, „но ты обезоружила насъ: мы не можемъ поднять на „тебя руки; даемъ клятву, что только кто изъ крестьянъ скажетъ, что онъ Мордвиновскій,—мы его трогать „не будемъ". И въ самомъ дѣлѣ даже чужіе крестьяне, „при встрѣчѣ съ ними говорили: „мы Мордвиновскіе" „и ихъ не трогали!"

Авдотья Степановна скончалась въ 1752 году, марта 21-го, и похоронена въ селѣ Покровскомъ.

Семенъ Ивановичъ поступилъ въ французскую морскую службу для обученія и въ 1722 году возвратился въ Россію съ отличнѣйшими отъ своихъ начальниковъ аттестатами.

Службу продолжалъ постоянно по морской части, былъ участникомъ въ устройствѣ балтійскаго флота, написалъ нѣсколько книгъ, руководствующихъ къ познанію мореходства, и былъ изъ первыхъ русскихъ моряковъ, трудившихся въ сочиненіяхъ по этой части. Замѣчательно, что сынъ его, Николай Семеновичъ, былъ въ свое время тоже дѣятельнымъ участникомъ въ устройствѣ черноморскаго флота.

Семенъ Ивановичъ былъ ума необыкновеннаго, нравственности примѣрной и отличался всѣми христіанскими добродѣтелями; кротости нрава былъ удивительной. Отецъ мой считалъ его святымъ человѣкомъ; окружающіе его сохраняли къ нему безпредѣльную преданность; прислуга считала душу его столь чистою, что много разъ мнѣ, въ дѣтствѣ, разсказывали мои нянюшки *ле-*

генду о его смерти: когда онъ умиралъ, такъ много Ангеловъ окружали его, что когда они улетали съ его душею—всѣ окна задрожали. Этотъ простодушный разсказъ доказываетъ, какую онъ память оставилъ по себѣ.

Въ первомъ бракѣ онъ былъ съ Ѳедосьей Савичной Муравьевой; женился въ 1728 г., жилъ съ нею 22 года, имѣлъ двухъ дѣтей, которыя умерли малютками; вдовымъ оставался онъ два года.

Во второй бракъ онъ вступилъ въ 1752 году, по желанію матери, съ 17 лѣтней дѣвицею Натальею Ивановною Еремѣевой, у которой матушка была Анна Ивановна Румянцова. Отъ этого брака онъ имѣлъ одиннадцать человѣкъ дѣтей; трое умерли малолѣтными, остались пять сыновей и три дочери. Старшій изъ нихъ, Александръ, служилъ во флотѣ, потомъ былъ министромъ въ Венеціи. Второй, Николай, отецъ мой, любимый сынъ моего дѣда. Петръ служилъ въ гвардіи и умеръ въ Слонимѣ, въ польскую войну. Сергѣй умеръ 19-ти лѣтъ, а Евграфъ—13-ти лѣтъ. Смерть сего послѣдняго въ особенности огорчила моего отца, потому что онъ его очень любилъ.

Дѣдушка Семенъ Ивановичъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о каменномъ домѣ съ двумя флигелями, построенномъ имъ въ Коломнѣ, недалеко отъ Калинкина моста. Въ то время мало еще было каменныхъ строеній въ Коломнѣ и это была большая постройка. Императрица Елизавета Петровна, проѣзжая мимо, была очень довольна, остановилась, приказала подозвать къ ней подрядчика и подарила ему двѣсти рублей, сказавъ, чтобы онъ хорошенько строилъ.

Мѣсто принадлежавшее дѣдушкѣ, было очень большое; тамъ былъ садъ и прудъ, по которому катались дѣти на маленькомъ корабликѣ.

Дача, о которой онъ упоминаетъ, была въ Екатерингофѣ, рядомъ съ дачею княгини Дашковой.

Дѣдъ мой, Семенъ Ивановичъ, скончался въ 1777 г. въ концѣ марта мѣсяца.

Онъ оставилъ собственноручный журналъ, который хранится въ Морскомъ Министерствѣ.

Издатель сего журнала, г-нъ Елагинъ, признавая, что много разъ эти записки были полезны для изслѣдователей по исторіи русскаго флота, полагаетъ, что адмиралъ Мордвиновъ составилъ ихъ по увольненіи его отъ службы.

Дѣдъ мой подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы въ февралѣ 1777 года.

Получилъ указъ объ увольненіи въ мартѣ того же года, и въ томъ же мѣсяцѣ скончался.

Возможно ли было 77-ми лѣтнему старцу исполнить таковый трудъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней его жизни?!

При увольненіи дѣда моего отъ службы Государыня пожаловала ему богатое имѣніе въ Бѣлоруссіи (съ 2000 душъ).

Имѣніе это принадлежало прежде Ордену Іезуитовъ.

II.

Отецъ мой, Николай Семеновичъ, родился въ 1754 году, апрѣля 17-го, въ селѣ Покровскомъ. Съ малолѣтства онъ учился дома, у родителей; французскому языку бралъ уроки въ пансіонѣ, бывшемъ въ то время единственнымъ въ Петербургѣ. Содержатель этого пансіона былъ итальянецъ Вентурини, а помощникъ его, французъ, отставной сержантъ. Отецъ мой былъ очень любознателенъ съ самаго дѣтства и часто дѣлалъ учителямъ разные вопросы, а они, не умѣя растолковать ихъ, удовлетворяли его линейкой по рукамъ. Много ли можно было пріобрѣсть познаній отъ такихъ учителей? При всемъ томъ обучались тамъ дѣти знатныхъ русскихъ дворянъ—графъ Николай Петровичъ Румянцевъ и другіе.

Бабушка моя была строгая мать, дѣдъ — нѣжный отецъ; но какъ въ то время жены уважали и боялись своихъ мужей, то бабушка и не смѣла наказывать дѣтей въ присутствіи дѣдушки; отца моего она называла балованнымъ сынкомъ, потому что онъ не всегда поддавался ея наказанію: казалось съ дѣтства понималъ чувство справедливости, и иногда убѣгалъ отъ розогъ

подъ защиту къ отцу въ кабинетъ, но никогда не жаловался, хотя и чувствовалъ, что онъ невиноватъ; положа ручки на столъ, смотрѣлъ отцу въ глаза, и тотъ, угадывая, что ребенокъ огорченъ, спрашивалъ его: „что ты, Коля"? Онъ всегда отвѣчалъ: „такъ, батюшка, ничего".

Отецъ мой около десятилѣтняго возраста былъ взятъ во дворецъ для воспитанія съ Наслѣдникомъ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ и былъ любимый его товарищъ; кротостію своею и благоразуміемъ имѣлъ большое вліяніе на смягченіе характера Великаго Князя, такъ что даже наставникъ его, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, употреблялъ иногда отца моего склонять его къ послушанію,—и Великій Князь никогда не сердился, когда Мордвинова указывали ему въ примѣръ.

Однажды отецъ мой подвергнулся выговору. Нѣкто поднесъ Павлу Петровичу ящикъ съ фейерверкомъ. Великій Князь принялъ подарокъ и просилъ моего отца спрятать его. Маленькій товарищъ, по неопытности своей, поставилъ подъ свою кровать; графъ Панинъ, увидѣвъ этотъ ящикъ, строго побранилъ Мордвинова за неосторожность.

Въ 1766 году отецъ мой поступилъ на службу, 12-ти лѣтъ, гардемариномъ, чрезъ два года произведенъ въ мичманы. Заслуживъ довѣріе своихъ начальниковъ, онъ получилъ порученіе провожать одного англичанина въ Кіевъ. Этотъ англичанинъ былъ не очень трезваго поведенія; отцу моему, тогда четырнадцати-лѣтнему юношѣ,

эта коммисія была очень непріятна и затруднительна, но онъ выполнилъ ее благополучно.

Изъ записокъ Семена Ивановича видно, что въ 1770 году отецъ мой былъ адъютантомъ при своемъ отцѣ.

Въ 1771 году онъ былъ взятъ къ адмиралу Ноульсу въ генеральсъ-адъютанты въ Кронштадтъ. Въ слѣдующемъ году поѣхалъ съ адмираломъ на Дунай и въ томъ же году возвратился въ Петербургъ.

Въ 1774 году отецъ мой былъ посланъ въ Англію для усовершенствованія въ морской службѣ. Около трехъ лѣтъ онъ находился въ постоянномъ плаваніи на англійскихъ судахъ; между прочимъ, былъ и на купеческихъ; получилъ отличнѣйшія свидѣтельства отъ разныхъ лицъ о примѣрной его дѣятельности, успѣхахъ и всегдашнемъ благонравномъ поведеніи.

Онъ началъ тамъ свою службу съ самаго младшаго чина, чтобы практикою пріобрѣсть точныя свѣдѣнія во всѣхъ своихъ обязанностяхъ по мореходству; по прошествіи трехъ лѣтъ возвратился на русской флотъ и служилъ въ Кронштадтѣ.

Во время плаванія на англійскихъ судахъ ему случалось нѣсколько разъ посѣщать берега Америки и быть въ разныхъ мѣстахъ ея континента, а для большаго ознакомленія съ просвѣщеніемъ европейскихъ народовъ онъ путешествовалъ по Германіи, Франціи и другимъ западнымъ государствамъ.

Когда онъ былъ въ Англіи, то внезапно услышалъ о смерти своего отца, котораго онъ невыразимо любилъ. Печальную эту вѣсть сообщилъ ему пріятель, встрѣтившій его, и это извѣстіе такъ поразило его, что онъ

сдѣлался боленъ и впалъ въ продолжительную меланхолію. Оставивъ Англію, онъ поѣхалъ въ Португалію, гдѣ провелъ лѣто въ пріятномъ англійскомъ семействѣ, въ очаровательной долинѣ Чинтра (Cintra); тамъ только здоровье его поправилось. Говоря объ этой долинѣ, онъ находилъ сходство съ долиною Байдарскою въ Крыму, гдѣ только недоставало вида моря.

По смерти отца своего, возвратясь въ Россію, онъ имѣлъ большое попеченіе о своихъ сестрахъ и братьяхъ, старался замѣнить имъ нѣжно-любящаго отца, занимался воспитаніемъ сестеръ, особенно младшей, Анной, и брата Евграфа, которыхъ онъ очень любилъ, старался внушать имъ любовь къ наукамъ, занимался выборомъ книгъ, потребныхъ для просвѣщенія молодыхъ умовъ, и, во всемъ руководя ихъ образованіемъ, даже обращалъ вниманіе на туалетъ сестеръ своихъ.

Съ самаго дѣтства отецъ мой любилъ науки, старался изучить всѣ предметы по ученой части, чтобы пріобрѣсти основательныя познанія какъ для пользы отечества, такъ и своего усовершенствованія. Онъ былъ весьма свѣдущъ въ математикѣ и удивлялъ вычисленіями. Кромѣ множества наукъ, вошедшихъ въ кругъ его образованія, онъ зналъ шесть иностранныхъ языковъ: греческій, латинскій, нѣмецкій, итальянскій, англійскій и французскій. *Гомера* прочелъ на древнемъ греческомъ языкѣ.

III.

Въ 1783 году, когда отецъ мой былъ уже въ чинѣ капитана 2-го ранга и былъ назначенъ капитаномъ корабля въ секретной экспедиціи (при Императрицѣ Екатеринѣ II) въ Средиземное море, въ Италію, эскадра ихъ оставалась въ то время зимовать въ Ливорно. Тамъ отецъ познакомился съ матушкой. Матушка моя, Генріетта Александровна, изъ фамиліи Коблей (Cobley) родилась въ 1764 году въ Англіи; послѣ родителей своихъ она осталась восьми лѣтъ, была взята старшею сестрою M-rs Partridge къ себѣ, въ Италію, гдѣ она и воспитывалась. Сестра ея была очень умная женщина и мужъ ея былъ ученый человѣкъ; они любили ее какъ дочь и съ особеннымъ вниманіемъ занимались ея воспитаніемъ.

По примѣру многихъ, тетушка послала портретъ моей матушки къ знаменитому Лафатеру, который написалъ слѣдующее: *sur ce front se peignent la noblesse, la condeur et la pureté.*

Когда русская эскадра осталась зимовать въ Ливорно, одинъ изъ капитановъ, англичанинъ, познакомился съ семействомъ Партриджъ и представилъ имъ многихъ

русскихъ офицеровъ, но никакъ не могъ уговорить отца моего познакомиться съ ними. Отецъ мой, много слышавъ о красотѣ и умѣ сестры ихъ *миссъ Коблей*, боялся увлечься и влюбиться въ нее.

Но, однажды, нечаянно они встрѣтились въ Пизѣ; въ тотъ годъ была тамъ иллюминація, которая, по обычаю, повторялась тамъ чрезъ каждые три года. На эту иллюминацію капитанъ - англичанинъ ѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ семействомъ Партриджъ, и когда экипажъ ихъ остановился, къ нимъ подошла толпа русскихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и отецъ мой; матушка замѣтила его и спросила у англичанина: кто былъ этотъ господинъ въ очкахъ? — тотъ улыбнулся и отвѣчалъ: „о! это нашъ философъ!“

Послѣ этой встрѣчи отецъ мой познакомился съ семействомъ Партриджъ и сталъ ихъ посѣщать. Бесѣды ученаго мужа, пріятный умъ и любезность жены заставили его часто бывать у нихъ. Матушка моя сначала была очень робка съ нимъ и даже боялась этого ученаго „философа“ какъ его называли, но отецъ мой чѣмъ чаще видѣлъ ее, тѣмъ болѣе и болѣе восхищался ею: ея рѣдкія достоинства ума и сердца, прекрасный нравъ, красота и скромность, совершенно плѣнили его.

Однажды они всѣ были на балѣ во Флоренціи, во дворцѣ Питти (Pitti), гдѣ находится знаменитая галлерея картинъ. Отецъ мой сказалъ тетушкѣ Партриджъ: „пойдемте, я вамъ покажу портретъ вашей сестрицы“ и всѣ за нимъ послѣдовали. Онъ подвелъ ее *къ Мадоннѣ Сассаферато*, поставилъ ее подъ святымъ изображеніемъ и сказалъ: „посмотрите: совершенно та же физіономія“

Это сравненіе, сдѣланное молодымъ философомъ, было ей очень лестно. Отецъ мой влюбился въ нее и посватался. Хотя и она полюбила его, но страшилась ѣхать въ отдаленный край, тогда еще мало извѣстный иностранцамъ; край холодный и непросвѣщенный, какъ считали они Россію. Сестра ее успокоивала и говорила ей: „я увѣрена, что съ такимъ человѣкомъ ты всегда и вездѣ будешь счастлива!“ Матушка моя, чувствуя любовь къ отцу и принимая благоразумные совѣты сестры, согласилась раздѣлить свою судьбу съ нимъ.

Отецъ мой, возвратясь съ эскадрою въ Россію, поѣхалъ сухимъ путемъ въ Ливорно и тамъ женился въ 1784 году, потомъ возвратился въ Россію.

Такъ какъ онъ рѣшился перейти на службу въ Черное море, то на пути, оставя матушку въ Витебскѣ, поручилъ ее супругѣ губернатора, а самъ поѣхалъ въ Петербургъ—уговорить сестеръ своихъ жить съ ними. Возвратясь въ Витебскъ, взялъ матушку и отправился въ Херсонъ, куда вскорѣ и меньшія сестры его пріѣхали, а старшая была фрейлина и оставалась при дворѣ.

Одинъ почтенный господинъ сказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ матушку мою въ Витебскѣ, когда она пріѣхала изъ Италіи, что она была удивительная красавица, такъ что онъ никогда не могъ забыть ее.

„Между тѣмъ, когда сталъ возникать на Черномъ „морѣ нашъ флотъ и было учреждено въ Херсонѣ „Адмиралтейское правленіе, тогда, по представленію „князя Потемкина, которому сдѣлались извѣстны до„стоинства Н. С. Мордвинова, находившагося въ то

„время только въ чинѣ капитана 1-го ранга, онъ „опредѣленъ предсѣдательствующимъ въ томъ правленіи (¹)“.

Когда Императрица Екатерина Вторая путешествовала для обозрѣнія новопріобрѣтеннаго края и была въ Херсонѣ, при устроенной Ей великолѣпной встрѣчѣ, участвовалъ и отецъ мой. Еще съ приближеніемъ къ Херсону, чтобы не наскучилъ Государынѣ видъ новороссійскихъ степей, когда она ѣхала по Днѣпру, Потемкинъ приказалъ загонять къ берегамъ табуны лошадей и стада коровъ и овецъ, чтобы оживить виды, а вдали устроены были декораціи, весьма живо изображая города и деревни.

Къ пріѣзду Императрицы приготовленъ былъ въ Херсонѣ спускъ корабля, а вмѣсто пристани устроена была большая баржа для Императрицы, Ея двора и для сопровождавшихъ иностранныхъ царскихъ особъ. Баржа украшена была парчевыми парусами съ золотыми кистями, которыя отецъ мой выписалъ изъ Константинополя.

Когда Екатерина взошла на приготовленную пристань, то, окинувъ взоромъ блестящія украшенія, съ улыбкой сказала своимъ гостямъ: „У насъ, за недостаткомъ холста, употреблена парча на паруса.“ Послѣ спуска корабля, обѣденный столъ былъ убранъ разнообразными моделями судовъ.

Въ Херсонѣ климатъ былъ очень вредный, потому что каждое лѣто рѣка Днѣпръ покрывалась густымъ

(¹) Выписка изъ рѣчи г-на Усова, сказанной имъ въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.

камышомъ и тѣмъ останавливалось свободное теченіе воды; при наступленіи жаровъ воздухъ становился заразительнымъ и причинялъ жестокія горячки. Отецъ мой тоже былъ отчаянно боленъ горячкою и въ это время умерла первая дочь его, Софія, восьми мѣсяцевъ. Можно вообразить, сколько душевныхъ страданій перенесла въ это время матушка, но сила религіозныхъ чувствъ и дружба сестеръ мужа—ее поддерживали.

Тетушки мои въ Херсонѣ обѣ вышли замужъ: Екатерина Семеновна вышла за Ѳедора Ивановича Маркова, служившаго адъютантомъ при Суворовѣ, а впослѣдствіи произведеннаго въ генералы.

Тетушка Анна Семеновна вышла за большаго пріятеля моего отца, бригадира Николая Ивановича Корсакова, которому онъ назначалъ ее съ дѣтства ея, какъ любимую сестру.

Предъ войною съ Турками Корсаковъ отвезъ жену свою въ Петербургъ, къ его матери, и съ малюткой, сыномъ. По возвращеніи, онъ, осматривая ночью укрѣпленія, поскользнулся, упалъ на шпагу, получилъ смертельную рану и вскорѣ умеръ.

Отецъ мой и дядюшка Марковъ удалили своихъ молодыхъ супругъ отъ мѣста военныхъ дѣйствій за сто верстъ внутрь Россіи, въ сопровожденіи офицера.

„При скудости тогдашнихъ способовъ, по новости „края, въ отраженіи непріятеля отъ береговъ, Мордви„новъ вооружилъ наскоро галеры и паромы и ими „столь удачно распоряжался и дѣйствовалъ, что непрія„теля отразилъ и погубилъ много турецкихъ судовъ „на Лиманѣ. За эту примѣрную дѣятельность и благо-

„разумныя распоряженія онъ былъ произведенъ въ „1788 г. въ контръ-адмиралы и пожалованъ кавале-„ромъ ордена св. Анны 1-й ст.“ ([1]).

Многіе говорили, что отецъ мой заслуживалъ за эти подвиги орденъ св. Георгія, но по интригамъ извѣстнаго Рибаса, получилъ Анну, а себѣ Рибасъ выхлопоталъ Георгія.

Впослѣдствіи Императрица Екатерина узнавъ, что онъ заслуживалъ большей награды за это дѣйствіе, пожаловала ему въ 1793 году св. Владиміра 1-й степени, какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ: *за храбрые подвиги въ началѣ послѣдней войны съ Турками.*

Въ Херсонѣ у него родился сынъ Николай, и въ 1789 году, 25 марта, родилась дочь Надежда.

Во время управленія отца моего въ Херсонѣ, пріѣхалъ туда знаменитый филантропъ-англичанинъ г. Говардъ (Howard), который, лишась жены и сына, посвятилъ себя, какъ извѣстно, и все свое богатство, страждущему человѣчеству. Главными предметами неусыпныхъ попеченій высокой души его были тюремные и болящіе; по этой причинѣ онъ поѣхалъ осматривать всѣ тюрьмы и госпитали въ Англіи, Италіи и другихъ государствахъ, желая быть полезнымъ совѣтами для улучшенія устройства этихъ заведеній.

Послѣднее путешествіе этого семидесятилѣтняго старца было предпринято въ Константинополь, съ намѣреніемъ найти средство—уничтожить сильную смертность въ народѣ отъ чумы; путь его былъ чрезъ Рос-

---

([1]) Изъ рѣчи г-на Усова.

сію; по этому случаю Государыня Екатерина II дала приказъ всѣмъ губернаторамъ: „гдѣ г. Говардъ будетъ осматривать тюрьмы и госпитали въ россійскихъ городахъ—исполнять всѣ его распоряженія безпрекословно“. На пути, остановясь въ Херсонѣ, онъ познакомился съ моимъ отцомъ и такъ оцѣнилъ умъ и достоинства его и моей матушки, что пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ съ ними, но, къ сожалѣнію, посѣщая одну больную, заразился горячкою и скончался на рукахъ моего отца, въ январѣ 1790 года; погребенъ въ Херсонѣ, гдѣ сооруженъ ему памятникъ его соотчественниками. Всѣ его путешествія были напечатаны. Онъ говорилъ, что во всей Европѣ нигдѣ не нашелъ подобнаго порядка, чистоты и устройства тюремъ и госпиталей, какъ въ Херсонѣ, подъ вѣдѣніемъ Мордвинова. Таковыя слова, сказанныя знаменитымъ Говардомъ, были очень лестны моему отцу и память о немъ всегда была ему дорога.

Отецъ мой ревностно служилъ, горячо любилъ отечество и хотя благоговѣлъ предъ Екатериною за Ея великій умъ, но не по чувству ему было покоряться власти любимцевъ Ея; его строгая справедливость и правдивая откровенность не могли подчиняться всегда исполненію приказаній начальниковъ, когда онъ ихъ не одобрялъ. Это было причиною, что онъ не могъ продолжать службу съ Потемкинымъ и пожелалъ выйдти въ отставку.

IV.

Отецъ мой, оставивъ Херсонъ, поѣхалъ съ матушкой въ Москву, гдѣ родилась дочь его Вѣра въ 1790 году, декабря 15-го; изъ Москвы онъ удалился въ Бѣлоруссію, въ свое имѣніе, гдѣ жилъ до смерти князя Потемкина.

Съ ними въ деревню поѣхала изъ Херсона одна почтенная вдова, генеральша Гаксъ, съ двумя взрослыми дочерьми, которую матушка очень любила; пріѣхала къ нимъ тоже въ деревню тетушка Елисавета Семеновна, вдова Рогозинскаго, съ двумя дѣтьми. Въ деревнѣ прожили болѣе двухъ лѣтъ въ большомъ уединеніи и тамъ родители мои лишились своего сына, Николая.

Желая уѣхать за границу, отецъ мой отправился въ Петербургъ устроить свои дѣла. Не располагая видѣться ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ, онъ никому не являлся, боясь, чтобы не донесли о его пріѣздѣ и не потребовали бы его на службу, но нечаянно встрѣтилъ на улицѣ своего пріятеля, секретаря Ея Величества, Вас. Степ. Попова, который очень обрадовался, неожиданно увидѣвъ его, и сказалъ при этомъ, что его вездѣ отыскиваютъ по приказанію Государыни. Отецъ мой,

возвратясь на свою квартиру, сейчасъ же распорядился обратно уѣхать въ деревню, но въ слѣдъ за нимъ былъ посланъ эстафетъ отъ Попова съ официальнымъ объявленіемъ, что Государыня желаетъ, чтобъ онъ опять вступилъ на службу. Отецъ мой отвѣчалъ Попову, что онъ готовъ исполнить волю Государыни, но проситъ, чтобы она благоволила принимать сама его доклады, безъ всякаго посредничества. Она согласилась и впослѣдствіи, получая доклады его, говорила: *„донесенія Мордвинова писаны золотымъ перомъ.“*

Потемкина уже не было, когда отецъ мой, въ 1792 году вновь поступилъ на службу въ Херсонъ; въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы, пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго и назначенъ главнокомандующимъ надъ черноморскимъ флотомъ и портомъ.

Въ Херсонѣ отецъ мой, по неблагопріятному климату, два раза подвергся опять сильной горячкѣ, пробылъ тамъ около двухъ лѣтъ, и когда правленіе перевели въ Николаевъ, то и онъ переѣхалъ туда же со всѣмъ семействомъ.

На новомъ своемъ поприщѣ отецъ мой съ усиленною дѣятельностью велъ всѣ дѣла, не опускалъ изъ вида ничего полезнаго, энергически занимался всѣми предметами для блага того края, ничего не оставлялъ безъ вниманія. Дѣла у него шли съ удивительнымъ порядкомъ: у него не было даже многосложности въ бумагахъ; онъ требовалъ, чтобы просьбы и доклады были кратки и ясны; прошенія принималъ на одной страницѣ и для

пріученія къ сокращенію отдавалъ обратно, если нужно было повернуть листъ.

Его доблестные подвиги, душевныя качества и добродѣтели заставляли всѣхъ и каждаго уважать его. Онъ исполнялъ свои обязанности какъ истинный христіанинъ, отечеству служилъ съ пламеннымъ ревніемъ, всѣмъ подчиненнымъ былъ отецъ и благотворитель. Слава его возрастала и вся Россія его цѣнила. Имя его осталось въ памяти у всѣхъ черноморскихъ сослуживцевъ; они съ восторгомъ вспоминали до конца своей жизни благодатное время, когда находились подъ его начальствомъ.

Онъ обладалъ такими свѣдѣніями въ наукахъ, что не было предмета, о которомъ не могъ бы говорить съ точнымъ знаніемъ, приводилъ въ удивленіе всѣхъ спеціальныхъ людей, особенно любилъ заниматься политическою экономіею и наукою земледѣлія. Не было сочиненій, которыхъ бы онъ не читалъ и незналъ совершенно по этимъ предметамъ. Всякія новыя свѣдѣнія, какія онъ могъ получить по сей части, его интересовали.

Въ продолженіе главнаго управленія отца моего черноморскимъ флотомъ въ царствованіе Екатерины, онъ долженъ былъ нѣсколько разъ пріѣзжать къ ней въ Петербургъ съ докладами. Однажды Государыня приняла его особенно ласково, что замѣтили всѣ окружающіе ее царедворцы, и удвоили свое къ нему вниманіе, кромѣ Великаго Князя Павла Петровича, который, казалось, удалялся его и въ обращеніи съ нимъ замѣтно былъ очень холоденъ. Отецъ мой не могъ постигнуть причины

этой перемѣны Проѣзжая изъ Петербурга обратно черезъ Гатчину, гдѣ проживалъ постоянно въ то время Великій Князь, отецъ мой остановился и подумалъ: заѣхать ли къ нему проститься или нѣтъ, но разсудилъ, что слѣдуетъ отдать долгъ почтенія будущему своему Государю,—и счелъ обязанностію явиться къ нему.

Пріѣхавъ во дворецъ, онъ просилъ доложить о немъ Великому Князю и получилъ въ отвѣтъ, что Его Высочество далъ приказаніе, когда пріѣдетъ Мордвиновъ, принять его безъ доклада. Когда отецъ мой вошелъ къ нему въ кабинетъ, Великій Князь обнялъ его и сказалъ: „другъ мой, никогда не суди меня по наружности. Я удалялся отъ тебя и казался съ тобою холоденъ не безъ причины: видя, какъ милостиво ты былъ принятъ у Государыни, я не хотѣлъ помѣшать тебѣ въ почести при большомъ Дворѣ“. Извѣстно было, что между двумя дворами существовало нѣкоторое несогласіе.

Любовь Великаго Князя съ дѣтскихъ лѣтъ къ моему отцу никогда не измѣнялась и въ продолженіе жизни онъ нѣсколько разъ доказалъ свою дружбу. Будучи еще Великимъ Княземъ, онъ подарилъ отцу моему изъ собственной своей библіотеки *Записки Сюлли* (Les Memoires de Sully) съ вензелемъ П. П., подъ императорской короной, въ знакъ искренности своего чувства, и сказалъ: *„когда я буду Царемъ, ты будешь при мнѣ моимъ Сюлли.“* Къ сожалѣнію, книги эти пропали у насъ въ Подмосковной при нашествіи французовъ въ 1812 г.—Императрица Екатерина также подарила

отцу моему полное собраніе *„Китайскихъ Записокъ“* (Les memoires des Chinois), составленное миссіонерами, (Missionaires français), которое донынѣ сохранилось у насъ.

V.

Въ Николаевѣ отецъ мой устроился очень хорошо; климатъ тамъ здоровый и жизнь его вообще измѣнилась, сдѣлалась гораздо удобнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Его семейство составляло около двадцати человѣкъ: кромѣ семейства нашего и родныхъ нашихъ, тетушки Елизаветы Семеновны съ дочерью, тетушки Анны Семеновны съ сыномъ, дядюшки Ѳомы Александровича Коблея, въ ежедневномъ нашемъ обществѣ были пріятельница матушки мадамъ Гаксъ съ дочерьми и баронесса Боде съ дѣтьми; графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой, графъ Гейденъ и Гамильтонъ—оба моряки; многіе изъ французскихъ эмигрантовъ, которые поступили на службу въ черноморскій флотъ, также посѣщали довольно часто; графиня Кастро де-ла-Сердо, богатая помѣщица, постоянно проводившая зиму въ Николаевѣ съ своими дѣтьми, и многія городскія дамы пріѣзжали къ намъ по вечерамъ. Тетушка Екатерина Семеновна проживала съ мужемъ въ Польшѣ (онъ все еще находился при Суворовѣ), но нѣсколько разъ пріѣзжала къ намъ, въ Николаевъ, и гостила у насъ.

У отца моего былъ всегда открытый столъ; кромѣ

всего нашего семейства, многіе офицеры, служившіе подъ его начальствомъ часто приходили обѣдать безъ особеннаго приглашенія, такъ что у насъ бывало за столомъ иногда тридцать и сорокъ человѣкъ. Вечера были полны пріятнымъ, оживленнымъ обществомъ, и такъ какъ въ Николаевѣ много было молодыхъ людей, то два раза въ недѣлю были балы, одинъ день у насъ, а другой въ клубѣ; были маскарады, кавалькады и вообще проводили время очень весело. Здѣсь родилась дочь Наталья въ 1794 году, іюня 10-го дня.

Отецъ мой нѣжно любилъ мою матушку и дѣтей своихъ, раздѣлялъ съ нею всѣ попеченія и безпокойства, часто ихъ убаюкивалъ и укачивалъ; когда были больны, самъ давалъ лекарство и вообще обращалъ вниманіе на самые малѣйшіе предметы въ отношеніи къ намъ; даже когда обремененъ былъ дѣлами, то и тогда дѣти были особенною его заботою, и въ самое время веселья онъ занимался ими. Я помню, на домашнихъ балахъ, какъ отецъ бралъ на руки меньшую дочь, Наташу, и съ нею танцовалъ кругомъ залы нѣсколько разъ.

Въ то время балы начинались рано и дѣти съ нянюшками стояли у дверей и смотрѣли на танцующихъ. Я помню тоже, какъ былъ данъ балъ для Суворова; онъ подходилъ и ласково шутилъ съ нами; помню, какъ завѣшивали у насъ зеркала, а въ кабинетѣ отца моего была приготовлена для Суворова ванна и ушатъ со льдомъ, и тутъ же стоялъ Прошка (*).

(*) Камердинеръ Суворова.

Отецъ разсказывалъ, какъ разъ онъ былъ, озабоченъ во время турецкой войны. Однажды онъ принесъ планъ Суворову, и разложивъ на столъ, просилъ рѣшенія на счетъ какихъ-то распоряженій, но тотъ, вмѣсто отвѣта прыгалъ около стола и повторялъ: *ку-ку-ри-ку*, что онъ обыкновенно дѣлалъ, когда не хотѣлъ отвѣчать. Отецъ, потерявъ терпѣніе, долженъ былъ уйти со своимъ планомъ и рѣшить самъ: какъ дѣйствовать, безъ совѣта Суворова?

Я помню другой анекдотъ, разсказанный отцомъ. Нужно было послать войско на штурмъ какого-то города и велѣно изготовиться къ приступу; но оказалось много больныхъ и Суворовъ приказалъ, своимъ манеромъ, *чтобы больныхъ не было!* и чтобы изъ госпиталей всѣхъ послать на штурмъ, что и исполнили: вывели всѣхъ солдатъ изъ больницъ, въ госпитальныхъ шлафорахъ и колпакахъ, посадили на шлюпки и отправили тоже на приступъ; кажется это было ночью. И что же? Суворовскій приказъ, такъ сказать, перетряхнулъ изнуренныхъ воиновъ; они пободрѣли и все кончилось удачно; оставшіеся въ живыхъ возвратились безъ лихорадки. Такъ оживляло всѣхъ одно слово Суворова, умѣвшаго говорить душѣ русскаго человѣка!

Изъ Николаева отецъ мой ѣздилъ нѣсколько разъ въ Крымъ, а одно лѣто мы ѣздили всѣмъ семействомъ и жили въ Бахчисарайскомъ дворцѣ.

Лѣто мы всегда проживали за городомъ; одинъ годъ жили въ Богоявленскомъ, въ 12-ти верстахъ отъ Николаева, остальные годы—въ Спасскомъ, прекрасномъ мѣстѣ, на берегу рѣки Буга, (оба основаны Потемки-

пымъ). Туда по воскресеньямъ пріѣзжали гости изъ города, гуляли, веселились, и вечеръ всегда оканчивался танцами.

Многіе путешествующіе останавливались въ Николаевѣ, проживали мѣсяцами въ этомъ счастливомъ уголкѣ, увлекаясь пріятнымъ обществомъ и жизнію, которую тамъ проводили, и называли его маленькимъ оазисомъ въ степи, въ новомъ нашемъ малонаселенномъ краѣ.

Когда происходилъ раздѣлъ наслѣдственнаго имѣнія, отцу моему братья его поручили заняться этимъ дѣломъ, что онъ и исполнилъ. Отдѣливъ изъ бѣлорусскаго имѣнія тремъ сестрамъ, раздѣлилъ на три части братьямъ, предоставивъ выборъ каждому по желанію. Отцу моему досталось Покровское (*) съ деревнями и имѣніе въ Бѣлоруссіи, въ которомъ заключалась часть и Петра Семеновича.

Дядюшки мои были красавцы и достойные молодые люди, но большіе щеголи и моты. Петръ Семеновичъ, послѣ смерти своей, оставилъ много долговъ и отецъ мой, не желая отдать имѣнія въ чужія руки, взялъ его себѣ и уплатилъ всѣ его долги. Александръ Семеновичъ прожилъ все свое имѣніе и еще у отца моего забралъ въ разное время триста тысячъ ассигнаціями, которыя остались неуплаченными, и умеръ уже въ пожилыхъ лѣтахъ.

Когда Людовикъ XVIII-ый, во Франціи, вступилъ на престолъ, то назначилъ Александру Семеновичу пенсію,

(*) Новгородской губерніи.

въ вознагражденіе за то, что онъ, будучи министромъ въ Венеціи, содѣйствовалъ къ спасенію принцессъ; королевскихъ тетушекъ, когда онѣ пріѣхали изъ Франціи въ Венецію, во время французской революціи. По кончинѣ Александра Семеновича пенсія продолжалась и вдовѣ его.

Отецъ мой всегда былъ очень степенный человѣкъ, не любилъ щеголять и даже скупъ былъ для себя, но щедръ для другихъ; не только не отказывалъ въ помощи, но самъ предупреждалъ нуждающихся.

Кромѣ родовыхъ имѣній, которыми владѣлъ отецъ мой, пожаловала ему Императрица Екатерина большую часть Ялтинской долины; отъ Государя Павла Петровича онъ получилъ тысячу душъ въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ. Кача по духовному завѣщанію досталась ему отъ пріятеля его Фалѣева.

Г-нъ Фалѣевъ былъ очень богатъ и не имѣлъ прямыхъ наслѣдниковъ; нѣсколько разъ при жизни своей онъ просилъ моего отца, въ знакъ дружбы, принять отъ него это имѣніе, и мой отецъ всегда отказывалъ, но по смерти Фалѣева принялъ въ память, по завѣщанію.

Въ то время въ Крыму имѣнія продавались по дешевымъ цѣнамъ; отецъ мой купилъ Соук-су, Эльбузлу и виноградники въ Судакѣ. Сабли и Корениху тоже купилъ, но опять продалъ, чтобы пріобрѣсть Байдарскую долину и имѣніе въ Пензенской губерніи; купилъ еще въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Черную Долину и земли въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, въ Саратовской и

Оренбургской губерніяхъ, и всѣ населилъ крестьянами изъ другихъ деревень.

Въ „Исторіи Малороссіи“ Н. Маркевича (стр. 619, томъ 2-й) упоминается о Черной Долинѣ, подъ названіемъ Серкетъ и Гайманъ. Вѣроятно это та же самая, которая теперь принадлежитъ намъ.

VI.

При вступленіи на престолъ Государя Павла Петровича отецъ мой былъ произведенъ въ адмиралы. Кажется, около этого времени, Государь послалъ Рибаса въ Николаевъ, предоставляя отцу моему рѣшить судьбу Рибаса, и даже дозволилъ сослать его въ Сибирь. Вѣроятно, Государю извѣстны были всѣ дѣйствія этого хитраго человѣка, также непріязнь и интриги противъ отца моего; но отецъ мой, по пріѣздѣ Рибаса самъ поѣхалъ къ нему, великодушно простилъ его и пригласилъ къ себѣ обѣдать.

Рибасъ признался моей матушкѣ, съ какимъ страхомъ онъ ожидалъ свиданія съ моимъ отцомъ, и какъ поразила его великодушная встрѣча, но благодарности за это не почувствовалъ. Во время пребыванія своего еще въ Николаевѣ онъ снова началъ интриговать фальшивыми доносами.

Отецъ мой, по приказанію Государя, отправился изъ Николаева къ нему въ Петербургъ, и ожидалъ себѣ лестнаго пріема. Не доѣзжая заставы, когда было уже довольно темно, онъ въ каретѣ задремалъ. Вдругъ слышитъ около своего экипажа топотъ лошадей; вообра-

зилъ себѣ, что это былъ знакъ почетной встрѣчи. При самомъ въѣздѣ его въ городъ, офицеръ подъѣхалъ къ окну кареты и почтительно спросилъ: куда онъ прикажетъ его везти? Тогда отецъ мой удивился и сказалъ: „что это значитъ?“ и получилъ въ отвѣтъ, что по волѣ Государя онъ арестованъ.

Не желая навлечь кому либо изъ пріятелей неудовольствія своимъ пріѣздомъ, будучи подъ арестомъ, онъ рѣшился ѣхать къ одной родственницѣ, вдовѣ, и остановиться у нея. „Ma cousine, сказалъ онъ, войдя въ комнату, примете ли вы арестанта?“—Разумѣется, родственница ему не отказала; когда же онъ удалился въ приготовленную для него комнату, офицеръ объявилъ, что ему приказано не отлучаться отъ него, но отецъ мой уговорилъ его спокойно лечь спать, завѣривъ, что не уйдетъ, и самъ всю ночь провелъ, ходя по комнатѣ, въ раздумьи, какая бы могла быть причина его ареста? и не зналъ чему приписать.

На другой день явился къ нему посланный съ объявленіемъ, что назначена коммисія его судить, куда и попросятъ его явиться.

Государь, любя моего отца и боясь его погубить, спросилъ у своего секретаря, Кушелева, какъ онъ думаетъ, можетъ ли Мордвиновъ оправдаться? „Если нѣтъ,— я запрещаю судить его, но если можетъ,—пусть судятъ!“ На это Кушелевъ отвѣчалъ: я увѣренъ, что Мордвиновъ ни въ чемъ невиноватъ противъ своего Государя.

Когда отецъ мой явился въ коммисію, на столѣ ле-

жала кипа бумагъ, по которой ему дѣлали такіе странные и неясные вопросы, что онъ ничего не могъ понять, въ чемъ его обвиняли, и просилъ довѣрить ему бумаги разсмотрѣть у себя, на что и согласились.

Пріѣхавъ домой, отецъ мой раскрылъ пакетъ и маленькая записка, которая, вѣроятно, по нечаянности была тутъ, разъяснила ему все дѣло. Едва онъ успѣлъ прочесть ее, какъ прискакалъ посланный изъ коммисіи, требуя отъ него поспѣшно бумаги обратно. Онъ закрылъ пакетъ, вручилъ его посланному и сказалъ: „возьмите, мнѣ болѣе ничего не нужно, я все понялъ". На другой день явился къ нему князь Куракинъ, и проливая слезы, уговаривалъ просить прощенія у Государя, который всегда его любилъ, и вѣроятно, окажетъ ему свою милость. Отецъ мой отвѣчалъ ему: „никогда я этого не сдѣлаю, потому что ни въ чемъ не признаю себя виновнымъ; но знайте, князь, что если я даже буду сосланъ въ Сибирь, и оттуда бойтесь меня!"

Отецъ мой, не бывъ виновенъ, оправдался, и враги его не достигли своей цѣли; но, зная неустрашимую откровенность его и любовь Павла Петровича къ нему съ дѣтства, уговорили Государя не призывать къ себѣ Мордвинова, будто бы по той причинѣ, что онъ можетъ, по горячности своей, сказать что-нибудь непріятное и тѣмъ подвергнуться немилости. Государь согласился не видать его, подарилъ при этомъ ему тысячу душъ, предоставивъ выборъ имѣнія гдѣ пожелаетъ, и уволилъ его отъ службы.

Отецъ мой принялъ это какъ знакъ милости, а не

гнѣва, и что Государь увольненіемъ удалилъ его, чтобы спасти отъ происковъ враговъ его.

Вспоминая о Павлѣ Петровичѣ, отецъ мой говаривалъ о немъ, что онъ имѣлъ много благородныхъ душевныхъ качествъ, но его вспыльчивость, мнительность и настойчивость въ требованіяхъ—немедленно исполнять волю его много ему вредили; иные изъ окружающихъ его пользовались тревожнымъ характеромъ и медлили исполнять его приказанія, чтобы, раздраживъ его, поднести доносы о тѣхъ, кого хотѣли по злобѣ погубить.

Помнится мнѣ, что одно изъ нареканій на моего отца состояло въ томъ, что будто онъ не радовался восшествію на престолъ Павла Петровича и скорбѣлъ о кончинѣ Екатерины.

VII.

Въ Николаевѣ, въ 1799-мъ году, февраля 24-го дня, родился братъ Александръ, а въ маѣ мѣсяцѣ мы всѣ поѣхали въ Крымъ. На пути остановились въ имѣніи графа Каховскаго на нѣсколько недѣль, по его приглашенію. Оставивъ насъ, отецъ поѣхалъ въ Саук-су, въ наше имѣніе, гдѣ онъ назначилъ намъ будущее мѣстопребываніе. Селеніе это находится въ узкой долинѣ, окруженной высокими горами, покрытыми темнымъ, густымъ лѣсомъ; кой-гдѣ виднѣлись дикія разнообразныя скалы; иныя изъ нихъ казались намъ развалинами, убѣжищемъ какихъ-нибудь отшельниковъ древнихъ временъ. Между горами протекаетъ рѣчка Саук-су (*) и раздѣляетъ селеніе на двѣ части; посреди селенія на этой рѣчкѣ бьетъ фонтанъ чистѣйшей воды; мѣсто очень живописное, но чрезвычайно мрачное. Отецъ мой, избравъ на склонѣ горы мѣсто для постройки дома, очистилъ нѣсколько татарскихъ избъ для временнаго нашего помѣщенія и мы туда переѣхали. Съ нами были: тетушка Анна Семеновна съ сыномъ, маленькимъ его товарищемъ и гувернеромъ; м-мъ Гаксъ

(*) Саук-су по-татарски—холодная вода.

съ дочерью; наша гувернантка и матушкина сестрица м-мъ Мадексъ съ мужемъ и двумя дѣтьми, которыя пріѣхали изъ Англіи погостить къ намъ въ Николаевъ. Отецъ мой занялся постройкою дома, пользуясь матеріаломъ большаго неоконченнаго завода. Пока строился домъ, всѣ жили отдѣльно въ татарскихъ домикахъ и приходили обѣдать всѣ къ намъ.

Матушка, неразлучная съ батюшкой, всегда находила большое удовольствіе раздѣлять труды его въ устройствѣ хозяйства и разведеніи маленькаго сада передъ домомъ. Тамъ былъ еще большой фруктовый садъ, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ избраннаго мѣста. Домъ былъ къ зимѣ готовъ, хотя каменный, но совершенно сухой. Отецъ мой придумалъ средство просушивать стѣны маленькими печурками въ стѣнѣ, между окнами, гдѣ постоянно держали огонь. По окончаніи внутренней отдѣлки дома ихъ задѣлали.

Сосѣдей около насъ не было никого, кромѣ проживающихъ въ Судакѣ должностныхъ людей и владѣльцевъ, разводившихъ виноградники. Въ числѣ ихъ жилъ академикъ Палласъ, извѣстный ученому свѣту по своимъ путешествіямъ и сочиненіямъ. Онъ часто видѣлся съ отцомъ моимъ и дочь его пріѣзжала къ намъ. Мы также часто ѣздили въ Судакъ, гдѣ тоже были у насъ виноградники, и такъ какъ Саук-су на Судакской большой дорогѣ, то изъ проѣзжающихъ въ Судакъ иные заѣзжали къ намъ.

Тихо и мирно прошла первая зима; казалось, что всѣ были счастливы. Мы, дѣти, по крайней мѣрѣ весе-

лились и наслаждались сельскою жизнію; все насъ занимало; часто вечера проводили въ танцахъ; даже бывали дѣтскіе маскарады. Насъ, дѣтей, было много; казалось, что и родители наши не скучали, и въ этой глуши наше веселье было имъ единственное развлеченіе, но болѣе всѣхъ оживлялъ насъ маленькій братецъ, который былъ очень милъ и забавенъ и удивительный красавчикъ. Онъ чрезвычайно любилъ музыку, и хотя былъ по другому году, но умѣлъ отличить, когда играли что ему нравилось, и тогда начиналъ прыгать на рукахъ няни.

Нянею его была прежняя его кормилица, Домна Аксеновна, жена дворецкаго Филиппа Андреева, вѣрная и преданная женщина стараго времени, любила насъ всѣхъ какъ родныхъ; родители мои очень ее уважали.

По вечерамъ отецъ мой всегда сидѣлъ въ гостиной съ нами; я помню даже, что въ Николаевѣ обыкновенно садился подлѣ матушки и занимался дѣлами, не развлекаясь разговорами окружающихъ его, но часто уходилъ въ залу, и прохаживаясь по комнатѣ, казалось, углублялся въ размышленія; можетъ быть и въ это время занимали его какія-нибудь дѣла, но я знаю, что у него было обыкновеніе всегда давать себѣ отчетъ, каждый вечеръ, съ пользою ли онъ провелъ этотъ день. Повѣряя свои дѣйствія и чувства, онъ мысленно спрашивалъ себя, „не потерялъ ли я минуты безъ пользы?“ Даже лишній часъ сна онъ считалъ потерею времени, и когда былъ молодъ, приказывалъ человѣку окачивать

*

ему голову холодною водою, если въ назначенный часъ онъ не могъ самъ проснуться. Желая и насъ прiучить слѣдовать его примѣру, онъ заставлялъ насъ писать ежедневно журналъ, который не требовалъ подавать ему, но для того, чтобъ мы сами себя повѣряли. Родители вели насъ такъ, что не только не наказывали, даже и не бранили, но воля ихъ всегда была для насъ священна. Отецъ нашъ не любилъ, чтобъ дѣти ссорились, и когда услышитъ между нами какой-нибудь споръ, то, не отвлекаясь отъ своего занятiя, скажетъ только: *le plus sage-cède,*—и у насъ все умолкнетъ.

VIII.

Прошла первая зима, открылась весна, наступило и лѣто—все шло хорошо и благополучно. Всѣ наши сельскія занятія; прогулки по лѣсамъ, полямъ, лугамъ, работы въ виноградникахъ, сборъ разныхъ плодовъ, орѣховъ и ягодъ въ нашихъ садахъ, приносили намъ большое удовольствіе; помогая нашими дѣтскими руками садовникамъ и работникамъ, унося изъ сада домой мѣшечки и корзинки съ фруктами, по нашей силѣ, мы, какъ намъ казалось, тоже были полезны.

Къ началу второй зимы все по немногу стало измѣняться. Наша гувернантка и домашній докторъ занемогли лихорадкой и насъ оставили; г-жа Гаксъ принуждена была ѣхать къ замужней дочери; тетушка и дядюшка Мадексъ скончались отъ нервной горячки. Эта потеря оставила очень грустное впечатлѣніе, особенно матушкѣ. Дѣти ихъ въ послѣдствіи уѣхали къ тетушкѣ Партриджъ, которая желая ихъ сдѣлать своими наслѣдниками, взяла ихъ къ себѣ.

При насъ остались только тетушка Анна Семеновна и дочь г-жи Гаксъ.

Потомъ начали доходить до насъ слухи о появленіи

разбойниковъ въ сосѣднихъ лѣсахъ, смежныхъ съ нашими, о грабежѣ и нападенiи, наконецъ найдено было тѣло убитаго татарина на дорогѣ, недалеко отъ Саук-су; наѣхала полицiя производить слѣдствiе, удвоили у насъ караулъ по ночамъ, дали сторожамъ ружья и трещетки. Разъ было маленькое нападенiе на нашъ скотный дворъ, который находился близь лѣса и довольно далеко отъ селенiя; похититель куръ постращалъ нашего скотника, что скоро они доберутся и до насъ. Однажды, вечеромъ, мы услышали трещетку караульнаго; всѣ побѣжали на мѣсто тревоги, и воротились со смѣхомъ, узнавъ, что захватили человѣка, пробиравшагося къ мельницѣ, который оказался одинъ изъ бывшихъ нашихъ каменщиковъ; онъ притворился пьянымъ и его отпустили. Вслѣдствiе всѣхъ этихъ безпокойствъ, отецъ мой рѣшился ѣхать въ Симферополь и объяснить объ этомъ губернатору; намъ прислали трехъ казаковъ.

Изъ Симферополя вскорѣ матушка получила извѣстiе отъ отца моего, что Государь Павелъ Петровичъ скончался, и что отецъ желаетъ ѣхать въ Петербургъ, служить молодому Царю. Матушка и тетушка такъ обрадовались, что сейчасъ начали укладываться, и когда отецъ возвратился, все было готово къ отъѣзду и съ радостiю всѣ отправились, въ маѣ 1801 года. Лѣтъ пять послѣ того мы узнали, что когда отецъ мой искалъ работниковъ для постройки дома въ Саук-су, то къ нему явился разбойничiй атаманъ съ своею шайкою, скрывавшiйся нѣсколько лѣтъ въ тѣхъ отдаленныхъ

мѣстахъ отъ преслѣдованій полиціи, и занимаясь у насъ работою они избавлялись отъ подозрѣній.

Когда атаманъ шайки былъ пойманъ, многіе въ Херсонѣ ходили смотрѣть его, и м-мъ Гаксъ тоже любопытствовала, пошла съ другими городскими дамами взглянуть на него, и этотъ разбойничій атаманъ оказался— подрядчикъ нашъ, Кашинъ!—Она узнала его; и онъ ей признался во всемъ и сказалъ что онъ никогда бы не сдѣлалъ намъ никакого вреда.

Путь нашъ до Петербурга продолжался почти четыре мѣсяца! Въ Симферополѣ пробыли мы двѣ недѣли; у дядюшки Маркова, въ Малороссіи, прогостили мѣсяцъ; потомъ продолжали нашъ путь, и какъ у насъ много было экипажей, каретъ и кибитокъ, то мы ѣхали на долгихъ, останавливаясь въ каждомъ городкѣ и почти въ каждомъ помѣщичьемъ имѣніи, хотя приходилось иногда для этого сворачивать въ сторону съ большой дороги на нѣсколько верстъ, гдѣ только была возможность. Если сами помѣщики находились въ имѣніи своемъ, то принимали насъ очень радушно, нѣсколько дней не отпускали, угощали по русскому гостепріимству того времени, снабжали насъ въ путь разной провизіей и печеньемъ всякаго рода; гдѣ же въ имѣніи былъ господскій домъ, а хозяева въ отсутствіи, то управляющіе ихъ радостно принимали, предлагая весь домъ къ услугамъ, и если матушкѣ нравилось, то оставались нѣсколько дней. Въ Москвѣ мы остановились у пріятеля отца моего, князя Вяземскаго, и пробыли тамъ нѣсколько времени. Въ Клину встрѣтили эстафетъ отъ

Государя Александра Павловича съ приглашеніемъ отцу моему вступить вновь на службу. Тогда мы поѣхали уже на почтовыхъ, а обозъ оставили продолжать путь на долгихъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, отецъ мой поступилъ на службу и былъ назначенъ вицепризидентомъ Адмиралтейской Коллегіи.

Въ 1802 году его назначили министромъ морскихъ силъ, но противъ него столько было интригъ, что вскорѣ онъ вышелъ въ отставку.

Одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ былъ прежній его пріятель П. В. Чичаговъ, потомъ онъ же сдѣлался врагомъ отцу моему и поступилъ на его мѣсто въ 1804 году.

Почти съ самаго пріѣзда въ Петербургъ отецъ мой сильно простудился и жестоко страдалъ ревматизмомъ въ глазахъ; впослѣдствіи боль эта, благодаря Бога, прекратилась, но онъ былъ подверженъ рожѣ на головѣ, особенно когда къ простудѣ присоединялась какая-нибудь непріятность.

Всѣмъ было извѣстно, какъ отецъ мой любилъ отечество и сколько государственныя дѣла были близки его сердцу. Въ частныхъ дѣлахъ также, когда торжествовала несправедливость, это его сильно волновало.

Въ 1805 году отецъ мой во второй разъ рѣшался ѣхать за границу и опять не могъ исполнить своего желанія. Все уже было готово къ отъѣзду, онъ продалъ всѣ свои картины первыхъ италіянскихъ живописцевъ, часть библіотеки и многія другія вещи; наконецъ, устроивъ все, мы отправились. Остановясь

въ Царскомъ Селѣ, прогостили недѣлю. Вдругъ была объявлена война и столько выступало войскъ изъ Петербурга, что намъ невозможно было имѣть почтовыхъ лошадей и мы добрались только до Луги.

Не доѣзжая Луги, мы остановились на одной изъ станцій, сидѣли въ избѣ и обѣдали. Въ это время проѣзжалъ Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ съ войсками. Узнавъ, что отецъ мой находился въ селеніи, Кутузовъ пришелъ къ намъ въ избу, долго разговаривалъ о военныхъ дѣлахъ, и отецъ рѣшилъ ѣхать не за границу, а въ Бѣлоруссію, гдѣ мы и оставались до сентября. Тетушка Анна Семеновна была также съ нами, и мы вмѣстѣ гостили у тетушки и дядюшки Марковыхъ, которые тогда жили въ Бѣлоруссіи. Оттуда мы поѣхали въ Кіевъ, а тетушка Анна Семеновна возвратилась въ Петербургъ, потому что сынъ ея служилъ въ Иностранной Коллегіи, а потомъ поступилъ въ милицію и былъ контуженъ при взятіи Данцига.

Въ Кіевѣ мы прожили зиму; отецъ мой занялся самъ нашими уроками. Въ послѣдніе два года пребыванія нашего въ Петербургѣ мы ѣздили на лекціи къ профессору, который преподавалъ уроки физики, но и отецъ продолжалъ намъ толковать эту науку, а также и по другимъ предметамъ, даже по астрономіи и архитектурѣ. Онъ не любилъ педантизма въ женщинахъ, но хотѣлъ, чтобъ мы имѣли понятіе о всѣхъ наукахъ. Что касалось природы, онъ самъ толковалъ намъ о всѣхъ ея силахъ и часто обращался въ разсказахъ къ чудесамъ созданія, чтобы мы чувствовали и болѣе понимали

премудрость Создателя во всѣхъ Его твореніяхъ; кромѣ того, онъ требовалъ, чтобы у насъ для чтенія всегда было какое-нибудь сочиненіе нравственное или религіозное. Часто заставлялъ насъ читать Четьи-Минеи и другія славянскія книги.

Говоря объ иновѣрцахъ, онъ протестантство предпочиталъ католицизму, замѣчая у католиковъ много злоупотребленій, но не позволялъ намъ входить въ споръ съ иновѣрцами.

Въ Кіевъ пріѣзжали къ намъ гостить тетушка и дядюшка Марковы, а весною отецъ мой поѣхалъ въ Крымъ. Мы, въ ожиданіи его возвращенія, оставались въ Кіевѣ, провели нѣсколько времени въ Дѣдовщинѣ, имѣніи пріятеля отца моего, князя Долгорукова, сто верстъ отъ Кіева, не теряя еще надежды ѣхать заграницу, но отецъ изъ Николаева прислалъ г-жу Гаксъ къ матушкѣ сказать, что онъ желаетъ, чтобъ мы его встрѣтили въ Одессѣ.

Въ Николаевѣ была трогательная встрѣча отцу моему. При переправѣ черезъ рѣку Бугъ матросы, бывшіе прежде подъ его начальствомъ, на спускѣ къ рѣкѣ, отпрягли лошадей и карету его повезли на себѣ, въ доказательство любви и преданности къ бывшему своему начальнику.

Въ Одессѣ мы прожили нѣсколько мѣсяцевъ у дядюшки Ѳомы Александровича, который въ Царицынѣ женился и потомъ въ Одессѣ былъ комендантомъ (1).

(1) Ѳома Александровичъ Коблей, братъ моей матушки, въ молодости своей вступилъ въ русскую службу и былъ адъютантомъ у

Здѣсь отецъ мой познакомился съ молдавскимъ господаремъ княземъ Маврокордато, который уговорилъ родителей моихъ ѣхать въ Москву, на что они и рѣшились.

Кутузова, при немъ Кутузовъ былъ раненъ; послѣ того дядя мой служилъ въ Николаевѣ.

IX.

Въ 1806 году, вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Москву, одинъ изъ пріятелей отца, московскій житель, князь Гагаринъ, заѣхалъ къ намъ, и уговорилъ его ѣхать съ съ нимъ въ дворянское собраніе, по случаю объявленія о наборѣ милиціи; на другой день изъ любопытства и мы поѣхали туда же, на хоры, гдѣ собирались всѣ московскія дамы.

Въ большой залѣ собранія были разставлены столы; за каждымъ столомъ сидѣли члены каждаго уѣзда. Зала и хоры были наполнены. Когда мы взошли на хоры, осматривая залу, мы увидѣли предъ собою все собраніе московскихъ дворянъ, но главный предметъ нашего вниманія былъ—отецъ нашъ. Въ собраніи были нѣкоторые, знавшіе его лично, но многіе знали его только по общей молвѣ и желали видѣть его. Смотря на него, нельзя было не чувствовать, что въ немъ было нѣчто отличное: осанка благородная, взоръ, полный ума и проницательности; на лицѣ его изображалась вся доброта и чистота его души.

Во второе собраніе отецъ мой замѣтилъ особенное вниманіе публики; около него собирались кружки, что

было непріятно ему; относя это къ пустому любопытству, и чтобы избѣгнуть этого, онъ удалился въ другую комнату, но и туда послѣдовали за нимъ; наконецъ онъ ушелъ въ третью. Въ отсутствіе его мы слышали въ залѣ собранія частое громкое повтореніе публикою его имени, но не знали тому причины. Послѣ оказалось, что одинъ изъ самыхъ значительныхъ московскихъ дворянъ, желая быть избраннымъ въ начальники ратниковъ, противился избранію моего отца въ это званіе, но публика, не умолкая повторяла: *Мордвинова!* Когда посланный отъ дворянъ отыскалъ его, то объявилъ, что все дворянство проситъ его возвратиться въ залу, потому что всѣ единогласно избираютъ его начальникомъ ратниковъ всей московской губерніи; на это отецъ мой отвѣчалъ: что онъ не имѣетъ никакого на то права, такъ какъ онъ не московскій дворянинъ, но что благодаритъ за честь, которую дѣлаютъ ему. Вторично посланный просилъ его возвратиться въ собраніе и не отказывать выбору дворянства; тогда отецъ мой послѣдовалъ за нимъ въ залу, и намъ было очень чувствительно видѣть, какъ онъ подходилъ ко всѣмъ столамъ и съ какимъ почтеніемъ всѣ принимали его благодарность.

Выборы продолжались; занялись формированіемъ ратниковъ, но, по случаю вскорѣ послѣдовавшаго заключенія мира съ Наполеономъ, милиція была распущена. Этотъ выборъ столь лестенъ былъ отцу моему, что онъ сохранилъ о немъ самое пріятное воспоминаніе, и когда, впослѣдствіи, ему приходилось одѣваться въ мун-

диръ, то онъ всегда съ удовольствіемъ надѣвалъ мундиръ милиціи.

Въ 1807 году мы ѣздили изъ Москвы въ Тамбовскую, Воронежскую и Пензенскую губерніи, обозрѣвать свои имѣнія, и чтобы это путешествіе было намъ въ пользу, отецъ заставлялъ насъ вести журналъ, въ какой мѣстности какая почва земли и гдѣ какая растительность.

Въ Москвѣ въ то время еще оставалось много знатныхъ древнихъ фамилій; туда удалялись иные, недовольные милостями двора, или, избѣгая придворныхъ интригъ, поселялись тамъ; изъ провинцій также многія семейства пріѣзжали зимовать въ Москву, такъ что тогда она была довольно многолюдна и въ ней свободнѣе веселились; но поговаривали иногда, что въ Москвѣ красавицъ много, а жениховъ мало; всѣ молодые люди были на службѣ въ Петербургѣ.

Родителямъ моимъ понравилась Москва; тамъ нашли они нѣсколько старыхъ знакомыхъ и съ иными подружились. Тетушка Анна Семеновна пріѣхала жить съ нами, тетушка и дядюшка Марковы провели у насъ зиму; вообще, пріятно и хорошо намъ было. Родители мои думали на вѣкъ поселиться въ Москвѣ; купили домъ въ Басманной улицѣ и Подмосковную, и хотя имѣли довольно знакомыхъ, но жили очень уединенно. Братъ сталъ уже подростать и отецъ мой самъ занимался его уроками.

Въ концѣ 1809 г. разнесся слухъ, что Государь Александръ Павловичъ намѣренъ посѣтить Москву. Въ тотъ

день; когда его ожидали, поутру зашелъ къ намъ Александръ Марковичъ Полторацкій и сказалъ отцу моему, что сегодня ожидаютъ пріѣзда Государя и что вся Москва собирается встрѣчать Его. Отецъ мой тоже поѣхалъ и отправился прямо въ соборъ, куда много уже съѣхалось для встрѣчи.

Долго ждали Царя; столько тѣснилось народу около него, что онъ съ большою медленностью могъ доѣхать до собора. Народъ цѣловалъ ноги и платье Государя. даже лошадь, на которой Онъ ѣхалъ, что было очень чувствительно. Сильна любовь русскаго народа къ Царю, отцу своему! Вспоминая этотъ день, Государь Алесандръ Павловичъ говорилъ: c'etait le plus beau jour de ma vie.

Послѣ молебствія, изъ собора всѣ поѣхали во дворецъ. Императоръ, остановясь въ залѣ, со многими изволилъ привѣтливо разговаривать; отецъ мой не выступалъ впередъ, и Государь, увидѣвъ его въ толпѣ, сдѣлалъ движеніе къ нему; стоявшіе вблизи отступили; Онъ подошелъ къ отцу моему и разговаривалъ съ нимъ очень милостиво. Во время пребыванія Государя въ Москвѣ были даны большіе обѣды и балы дворянствомъ и купечествомъ, а когда Царь обѣдалъ у себя, то приглашенныхъ было немного, но въ числѣ ихъ всегда былъ отецъ мой; послѣдній день во дворцѣ былъ большой балъ.

По отъѣздѣ Государя, всѣ начали говорить, что вѣроятно цѣль его посѣщенія была та, чтобы пригласить иныхъ старыхъ заслуженыхъ сановниковъ опять

къ себѣ на службу; въ числѣ ихъ публика назначала отца моего, что и случилось.

Нѣсколько дней спустя, когда мы всѣ радовались, что предположеніе москвитянъ не сбылось, въ одинъ вечеръ сидѣли мы всѣмъ семействомъ довольно поздно, вдругъ пришли доложить, что пріѣхалъ фельдъегерь съ эстафетомъ отъ Государя. Всѣ вздрогнули; отецъ приказалъ позвать и принялъ отъ него пакетъ, распечаталъ и началъ читать. Все наше вниманіе было обращено на него. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ и матушка сейчасъ спросила: что такое? Онъ отвѣчалъ: „Государь приглашаетъ меня служить опять въ Петербургъ.“ Матушка, смутившись, сказала: „и ты согласенъ на это?“ „Не могу отказать Государю, сказалъ отецъ; я долженъ ѣхать!“ Она замолчала,

Отецъ говорилъ, что каждый честный человѣкъ не долженъ уклоняться отъ обязанности, которую на него возлагаетъ Верховная власть или выборъ гражданъ.

Матушка раздѣляла всѣ его чувства—любви и преданности къ Царю и отечеству, которое она считала какъ своимъ, и интересовалась всѣмъ, что касалось до Россіи, по этому и неудерживала его исполнять то, что онъ считалъ своимъ долгомъ.

Чрезъ нѣсколько дней къ отъѣзду отца все было готово. Онъ рѣшилъ, что мы должны остаться въ Москвѣ до весны. Разлука съ нимъ печалила матушку; она тревожилась, но скрывала свои чувства, чтобы не безпокоить его, и утѣшала себя мыслію, что наши Марковы жили ту зиму въ Петербургѣ, и увѣрена была,

что они будутъ имѣть о немъ самое родственное попеченіе, зная, какъ много разъ они доказывали свою дружбу.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, отецъ мой поступилъ на службу и съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта былъ назначенъ членомъ онаго и Предсѣдателемъ Департамента Экономіи.

X.

1810 г. весною мы всѣ пріѣхали въ Петербургъ, и тетушка Анна Семеновна съ нами; другія обѣ тетушки жили тогда въ Петербургѣ съ семействами. Пріѣхали къ намъ г-жа Гаксъ и дядюшка Ѳома Александровичъ; было еще нѣсколько семействъ дальнихъ родственниковъ и короткихъ знакомыхъ. Въ Петербургѣ тогда находились на службѣ изъ черноморскаго флота нѣсколько адмираловъ съ семействами, которые продолжали знакомство съ нами. Все это составляло довольно большое общество, и нецеремонное, и всѣмъ было общее приглашеніе.

Отецъ любилъ, чтобы мы веселились, и у насъ для танцевъ назначенъ былъ день—воскресенье. Онъ часто приглашалъ гостей къ обѣду, бывъ очень гостепріименъ, и всегда имѣлъ хорошій столъ. Когда кого онъ звалъ обѣдать въ первый разъ, то, провожая, обыкновенно говорилъ, что онъ обѣдаетъ въ такомъ-то часу, и кому угодно сдѣлать ему честь—онъ всегда будетъ радъ. Многіе пользовались этимъ приглашеніемъ, только всегда присылали узнавать, дома ли обѣдаютъ. Кромѣ петербургскихъ знакомыхъ, часто и пріѣзжіе иностранцы,

или кто-либо изъ губерній, предводитель дворянства, губернаторъ и другія лица обѣдали у насъ. Отецъ самъ нигдѣ никогда не оставался обѣдать, кромѣ, когда былъ приглашенъ во дворецъ.

Императрица Марія Θеодоровна никогда не забывала, что супругъ ея уважалъ и любилъ моего отца и одинаково привѣтливо съ нимъ обращалась. Часто отецъ мой разсказывалъ намъ про разные шутливые ихъ разговоры. Она подарила отцу моему собственной своей работы *каме* всей императорской фамиліи, которыя и теперь сохраняются у насъ.

Императрица Елизавета Алексѣевна, по свойственному ей нраву, разговаривала всегда серьёзно, но милостиво, и очень отличала отца моего отъ другихъ. Въ то время, когда, предъ 1812 годомъ, Коленкуръ былъ при нашемъ дворѣ французскимъ посланникомъ, въ одинъ день отецъ мой, обѣдая во дворцѣ, сидѣлъ подлѣ Государыни, а по другую сторону Императора сидѣлъ Коленкуръ, и такъ какъ онъ былъ большой балагуръ, то при разговорѣ о сибирскихъ холодахъ, сказалъ глупую шутку, что „пріятнѣе было бы съѣздить въ Парижъ, чѣмъ въ Сибирь“. Государыня съ презрѣніемъ отвернулась отъ него и сказала отцу моему: *А я лучше поѣду въ Сибирь, чѣмъ въ Парижъ.* Эти слова, обращенныя къ нему, доказывали увѣренность, что онъ раздѣляетъ ея чувства.

Императрица Александра Θеодоровна была также всегда благосклонна и милостива къ отцу моему.

Отецъ мой былъ очень занятъ дѣлами и у него со-

бирались комитеты—я не помню какіе, только всегда съѣзжалось много членовъ.

Онъ бдительно слѣдилъ за всѣми политическими дѣйствіями въ Европѣ и былъ увѣренъ, что Наполеонъ имѣлъ намѣреніе напасть на Россію и что надобно было готовиться взять мѣры, чтобы во-время отразить его.

Въ 1811 году одинъ французскій эмигрантъ, г. Д'Алонвиль представилъ, по секрету, отцу моему бумагу съ изложеніемъ своего мнѣнія о военной системѣ Наполеона. Отецъ мой не довѣрилъ ее своему секретарю и заставилъ насъ переписать копію для себя, а подлинникъ подалъ Государю.

Мнѣніе Д'Алонвиля было то, что слѣдуетъ Наполеона заманить внутрь Россіи, и какъ онъ тогда будетъ лишенъ внѣшней помощи, то легче будетъ его побѣдить. Не знаю, подѣйствовалъ ли этотъ совѣтъ, но оно такъ и сбылось. Москвою пожертвовали, но и армія *изъ двадесяти языковъ* была уничтожена.

Весною, въ 1812 году, мы уѣхали въ Москву и прожили нѣсколько времени въ нашей подмосковной, селѣ Знаменскомъ, сорокъ верстъ отъ Москвы, недалеко отъ станціи Черной Грязи, на устьѣ рѣки Клязьмы—мѣстоположеніе прекрасное и веселое. Тетушка оставалась въ Петербургѣ, потому что сынъ ея находился на службѣ. Вдругъ прислали намъ сказать, что Государь пріѣхалъ въ Москву и что непріятель вступилъ уже въ границы Россіи. Таковое быстрое движеніе непріятеля еще болѣе подтвердило увѣренность моего отца, что Наполеонъ будетъ домогаться взять которую-нибудь

изъ столицъ; отецъ мой рѣшился немедленно отправить семейство свое въ Уфу, гдѣ у насъ было имѣніе. Къ двумъ часамъ все было готово, что нужно было взять въ дорогу, и самый обозъ, назначенный къ отсылкѣ съ людьми и вещами въ Уфу; остальное все изъ дома снесено было въ большую каменную кладовую съ желѣзными дверьми и ставнями, и поставленъ былъ караулъ.

Въ девять часовъ утра получили извѣстіе, а въ два часа пополудни мы уѣхали въ Москву, остановились тамъ у однихъ знакомыхъ. На другой день отецъ мой отправился во дворецъ; пріѣхавъ туда, онъ нашелъ въ пріемныхъ залахъ дежурныхъ генераловъ и адъютантовъ и просилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ доложить о немъ Государю, но никто не обратилъ вниманія на просьбу его; тогда онъ отнесся къ камеръ-лакею; тотъ пошелъ доложить, и возвратясь сказалъ, что Государь проситъ его къ себѣ.

Придворные думали, что если Мордвиновъ уѣхалъ изъ Петербурга, то не былъ въ милости, но Государь всегда принималъ отца моего, когда онъ просилъ аудіенціи, и разговаривалъ съ нимъ откровенно и благосклонно. Когда отецъ мой вышелъ отъ него въ залу, то тѣ же самые, которые не хотѣли съ нимъ говорить, обступили его съ вопросами, но онъ, въ свою очередь, ничего имъ не отвѣчалъ и уѣхалъ.

Во все время пребыванія Государя въ Москвѣ отецъ мой ѣздилъ во дворецъ, въ дворянское собраніе и ко всѣмъ своимъ знакомымъ. Москвитяне не всѣ вѣрили, чтобы Наполеонъ рѣшился идти на Москву;

иные спорили съ моимъ отцомъ, нѣкоторыя дамы даже бранили его, зачѣмъ онъ всѣхъ пугаетъ.

Отецъ, отправивъ насъ, оставался еще нѣсколько времени въ Москвѣ; мы, доѣхавъ до Владиміра, остановились у одного священника, прожили тамъ недѣлю въ ожиданіи отца, и когда онъ пріѣхалъ, то мы продолжали путь до Пензы, гдѣ онъ рѣшилъ не ѣхать далѣе и ждать нѣсколько времени, чтобы имѣть скорое и вѣрное извѣстіе о нашей арміи, между тѣмъ писалъ въ Уфу, чтобы тамъ приготовили для насъ помѣщеніе.

XI.

Слухи повторялись очень тревожные изъ Смоленска, Бородина и Москвы; у насъ тоже не было покойно. Крестьяне не вѣрили, что новый наборъ по приказанію Государя; думали, что помѣщики сами по себѣ его назначаютъ. Въ Инсарѣ народъ взбунтовался; даже иные хотѣли убить должностныхъ лицъ, которые, узнавъ это, бѣжали скрыться въ сосѣднемъ лѣсу, а мятежники, ворвавшись въ домы, опустошили все съѣстное, напились пьяны и провели всю ночь въ пляскѣ; потомъ заснули крѣпкимъ сномъ. Послано было въ Пензу къ губернатору извѣстіе о безпорядкѣ, и къ счастію, проходилъ въ это время полкъ, который усмирилъ ихъ.

Потомъ была другая тревога. Дошелъ слухъ, что Башкиры идутъ; даже увѣряли, что они возстали противъ Русскихъ, но вышло напротивъ: они шли помогать бѣлому Царю.

Вся Россія душевно страдала, пока Москва была въ рукахъ непріятелей. Мы не знали чему приписать ея пожары: жертвѣ ли русскихъ для спасенія отечества,

или мщенію Французовъ, обманутыхъ въ ихъ ожиданіи.

По пріѣздѣ нашемъ въ Пензу, послѣ перваго визита отца моего къ губернатору, онъ и всѣ должностныя лица посѣтили его (хотя Вигель и говоритъ, что никто не пріѣзжалъ къ моему отцу); потомъ мы познакомились съ нѣкоторыми семействами. Зимою часто бывалъ у насъ губернаторъ князь Голицынъ, дворянскій предводитель и многія другія лица; особенно часто бывала у насъ жена вице-губернатора, Александра Алексѣевна Евреинова и братъ ея Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, который сдѣлался женихомъ сестры моей, Вѣры Николаевны.

Впослѣдствіи мы познакомились также съ семействомъ князя Голицына, у губернатора же познакомились съ его невѣсткою, княгинею Анною Александровною Прозовскою-Голицыною, сынъ которой, князь Александръ Өеодоровичъ, женился на дочери сестры моей Натальи Николаевны Львовой.

Когда французы ушли изъ Москвы, отецъ мой, перемѣнивъ намѣреніе ѣхать въ Уфу, рѣшилъ весною отправиться въ Крымъ, а въ подмосковную нашу послалъ дворецкаго, чтобы имѣть извѣстіе о ней и о людяхъ, которые были тамъ оставлены. Пріѣхавъ туда, дворецкій узналъ всѣ случившіяся непріятности, о которыхъ подробно сообщилъ намъ:—тамошній староста, первое время исправно наблюдалъ порядокъ и караулилъ наши домы до тѣхъ поръ, пока французы, посланные за фуражемъ, не зашли къ намъ; они сломали желѣзные запоры, ворвались въ кладовую, тесаками разрубили

ящики и комоды, кое-что взяли, остальное разбросали тутъ же. Вскорѣ послѣ того, по изгнаніи непріятелей изъ Москвы, набѣжали въ нашу подмосковную изъ разоренныхъ деревень въ окрестностяхъ Бородина и Рузы до четырехъ тысячъ народа, которые поселились въ нашемъ саду, и какъ нашъ староста не наблюдалъ болѣе караула, то они и довершили безпорядокъ. Погибло много книгъ, письма, дѣловыя бумаги по службѣ отца, картины знаменитыхъ итальянскихъ живописцевъ и многія фамильныя вещи, для насъ драгоцѣнныя. Дворецкій, какія могъ собрать бумаги, всѣ привезъ, но, къ сожалѣнію очень немного.

Въ Крымъ мы не поѣхали: тамъ открылась чума, и лѣто провели въ имѣніи Столыпиныхъ, гдѣ была свадьба сестры Вѣры Николаевны, въ іюлѣ 1813 года.

Село Столыпино въ ста верстахъ отъ г. Пензы.

Пробывъ съ ними лѣто и зиму, весною мы отправились въ подмосковную, село Знаменское, и они съ нами.

Проѣзжая Москву, мы пожелали видѣть остатки нашего дома и нашли одно пепелище: домъ былъ деревянный, весь сгорѣлъ и въ немъ сгорѣло нѣсколько прекрасныхъ картинъ. Одна изъ нихъ была очень большая, изображавшая Семирамиду, окруженную своимъ блестящимъ дворомъ; она принимала подарки отъ какихъ-то плѣнныхъ царей. Отецъ мой привезъ эту картину изъ Италіи, желая поднести Императрицѣ Екатеринѣ II, но она уже скончалась.

Въ Москвѣ, въ нашемъ домѣ, во время вторженія

французовъ, квартировалъ генералъ Мезонъ, и когда онъ уѣхалъ изъ Москвы, то оставилъ нашему почтенному старичку-швейцару караулъ охранять домъ, пока французы выходили изъ Москвы; но когда снятъ былъ караулъ, то старичокъ нашъ видѣлъ солдата-француза, который шелъ съ ведромъ по Басманной улицѣ и мазалъ стѣны домовъ какою-то жидкостью,—и домы немедленно загорались.

Въ селѣ Знаменскомъ родился первый внукъ, Николай Столыпинъ, въ іюнѣ 1814 года. Пробывъ тамъ нѣсколько времени, мы поѣхали осенью въ Петербургъ, всѣ вмѣстѣ, и Аркадій Алексѣевичъ поступилъ на службу.

Въ Петербургѣ мы остановились у тетушки Анны Семеновны; пробывъ у нея мѣсяцъ, наняли домъ графа Головкина, жили въ немъ два года, и хотя домъ былъ нарядный, съ большими залами, но такъ какъ отецъ мой нѣсколько разъ былъ въ немъ нездоровъ и сестра Наталья Николаевна была очень больна нервическою горячкою, то и рѣшились искать другой и наняли домъ на Театральной площади, а потомъ отецъ купилъ его, и также купилъ дачу по Петергофской дорогѣ, на 12-й верстѣ отъ Петербурга.

Въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ мы нанимали приморскія дачи за Петергофомъ, для купанья.

Хотя здоровье отца моего не поправлялось, но онъ продолжалъ заниматься дѣлами. Матушка моя очень тревожилась о его здоровьи; онъ худѣлъ, слабѣлъ и чрезвычайно былъ блѣденъ, что всѣхъ насъ поражало; нашли необходимымъ ѣхать за границу.

XII.

Іюня 6-го, 1818-го года, мы выѣхали изъ Петербурга, заѣхали въ Бѣлорусское свое имѣніе, потомъ черезъ Витебскъ, Могилевъ, Житомиръ, переѣхали границу въ Бродахъ, гдѣ остановились на нѣсколько дней; въ Лембергѣ и Ольмюцѣ пробыли также нѣсколько времени; пріѣхали въ Вѣну 12-го августа и остались тамъ двѣ недѣли. Горы Цимерингъ проѣхали по старой ужасной дорогѣ, границу переѣхали въ Понтебѣ; были въ Венеціи, Падуѣ, Болоньи, во Флоренціи и пріѣхали въ Ливорно 16-го сент. Пробыли два мѣсяца у тетушки Партриджъ въ ея великолѣпной приморской виллѣ; но какъ отъ моря тамъ было очень холодно, то поѣхали зимовать въ Пизу, и тетушка съ нами. Здѣсь отецъ мой познакомился съ нѣсколькими учеными людьми, которые составляли ему пріятное общество. Одинъ изъ нихъ былъ профессоръ Санти, и съ женою его мы коротко познакомились; они были тетушкины пріятели и часто бывали у насъ.

Отецъ представлялся герцогу, обыкновенно проводившему тамъ зиму, и посѣтилъ нѣсколько знатныхъ особъ, находившихся при тосканскомъ дворѣ. Весною мы поѣхали во Флоренцію, пробывъ тамъ нѣсколько

дней, отправились черезъ Перуджію и Сполето въ Римъ видѣть всѣ торжественныя празднества Папы на пасхѣ, куда пріѣхалъ и нашъ великій князь Михаилъ Павловичъ со свитою, и нѣсколько русскихъ семействъ; кромѣ того тамъ зимовали еще многіе изъ русскихъ. Мы скоро познакомились съ тамошними нашими соотечественниками и часто съѣзжались съ ними смотрѣть католическія празднества, церкви, знаменитыя галлереи, древнія рѣдкости и развалины Рима, и ѣздили осматривать всѣ окрѣстности. Въ Неаполь не поѣхали, остерегаясь разбойниковъ, нерѣдко нападающихъ тамъ на путешественниковъ.

Выѣхавъ изъ Рима 15-го апрѣля 1819 г., мы возвратились опять во Флоренцію; пробывъ тамъ болѣе недѣли и простясь съ тетушкою, поѣхали въ Миланъ.

Разлука съ тетушкою была очень горестна для обѣихъ сестеръ; по своимъ лѣтамъ онѣ не надѣялись уже болѣе увидѣться.

Въ Миланѣ мы пробыли дней десять; тамъ жилъ ученый Джойя, статистикъ, котораго отецъ мой, по пріѣздѣ своемъ немедленно посѣтилъ. Джойя былъ извѣстенъ ему учеными сочиненіями по части политической экономіи, на итальянскомъ языкѣ. Во время нашего пребыванія въ Миланѣ они видѣлись каждый день, можно сказать подружились; намъ даже интересно было слушать ихъ разговоры. Джойя, пріятный, умный человѣкъ, съ своей стороны удивлялся глубокимъ познаніямъ отца моего въ политической экономіи и во всѣхъ другихъ ученыхъ предметахъ; знакомство ихъ было для

обоихъ большимъ наслажденіемъ. Джойя часто бывалъ у насъ, даже одинъ разъ остался обѣдать, сказавъ притомъ, что двадцать лѣтъ уже, какъ онъ нигдѣ въ гостяхъ не обѣдалъ. Послѣ онъ съ отцомъ моимъ велъ переписку и прислалъ ему полное изданіе своихъ сочиненій (*).

Изъ Милана мы поѣхали смотрѣть въ Аронѣ, огромную статую св. Карла Баромея, ѣздили по живописному озеру Лаго-Маджіоре, посѣтили Изола-беллу и Мадре, потомъ черезъ Симплонъ проѣхали въ Швейцарію, тамъ ѣздили по разнымъ городамъ и изъ Женевы поѣхали въ Парижъ, а потомъ, отправясь въ Англію, пріѣхали въ Дувръ 15-го іюля. Три недѣли пробыли въ Лондонѣ, гдѣ отецъ мой часто видѣлся съ извѣстнымъ Іереміею Бентамомъ.

Изъ Лондона мы поѣхали въ Ливерпуль, гдѣ пробыли пять недѣль у пріятельницы матушки m-ss Earl, погостили у дядюшки John Коблей, который жилъ въ Чедарѣ, близь Бристоля; пробывъ нѣсколько времени въ Лондонѣ, поѣхали зимовать въ Парижъ.

Тамъ тогда было много русскихъ семействъ; чаще всѣхъ насъ посѣщалъ князь Долгорукій, который очень забавлялъ насъ разсказами о разныхъ происшествіяхъ, случившихся при иностранныхъ дворахъ, гдѣ онъ бывалъ посланникомъ. Былъ у отца моего нѣсколько разъ герцогъ Ришёлье, бывшій военный губернаторъ въ Крыму, а въ то время министромъ при Лудовикѣ XVIII. Въ Парижѣ нашли мы также старыхъ знакомыхъ француз-

(*) Въ послѣднемъ сочиненіи онъ упоминаетъ о моемъ отцѣ.

скихъ эмигрантовъ, графа и графиню Клермонтонеръ, гр. Роспекъ и Валгра, приверженцевъ Бурбоновъ. Еще отецъ мой пожелалъ познакомиться съ г. Лоранси, человѣкомъ очень образованнымъ и редакторомъ газеты „Constitucionel;" которая нравилась моему отцу. Онъ получалъ также другую газету „Drapeau blanc" (либеральную), которую онъ не одобрялъ, какъ и всѣхъ ораторовъ лѣвой стороны, Бенжаменъ-Констана и пр.

Случились тогда въ Парижѣ два происшествія, очень непріятныя. Явились „пикеры" которые привели въ смятеніе весь Парижъ, и мы, въ числѣ другихъ, не смѣли выѣзжать; шесть недѣль всѣ сидѣли дома, до тѣхъ поръ, пока полиція не взяла мѣры уничтожить ихъ; потомъ весною былъ убитъ герцогъ Берри. Смерть его всѣхъ встревожила и мы рады были скорѣе уѣхать.

Въ маѣ мѣсяцѣ мы оставили Парижъ, останавливались на пути въ разныхъ городахъ; пробыли мѣсяцъ въ Тёплицѣ, потомъ черезъ Дрезденъ и Берлинъ возвратились въ августѣ 1820 г. въ Петербургъ.

Во время путешествія отецъ мой совершенно поправился здоровьемъ, дѣлалъ болѣе движенія, не имѣлъ никакихъ заботъ, ни служебныхъ, ни частныхъ; въ большихъ городахъ все его занимало; онъ осматривалъ всѣ замѣчательности съ большимъ удовольствіемъ и вездѣ былъ вмѣстѣ съ нами. Дорожныя заботы ему никогда не были въ тягость. При насъ курьера не было и отецъ мой самъ исполнялъ эту должность, смотрѣлъ за всѣмъ порядкомъ, все самъ заказывалъ и самъ расплачивался, выходилъ съ братомъ смотрѣть квартиры по гостинни-

цамъ, и уѣзжая, требовалъ отъ насъ, чтобы всѣ комнаты оставались въ порядкѣ; заходилъ даже въ наши спальни, наблюдая, чтобы и тамъ все было прибрано. Онъ всегда пріучалъ насъ къ большому порядку, бывъ самъ во всемъ акуратенъ, и повторялъ часто, что это для каждаго необходимо, и что нужно всегда пріучать дѣтей съ малыхъ лѣтъ къ порядку и акуратности, что подѣйствуетъ на всю ихъ жизнь.

XIII.

Въ отсутствіе наше у насъ въ домѣ верхній этажъ былъ отданъ въ наймы; занималъ его американскій посланникъ; во второмъ жила тетушка Анна Семеновна съ семействомъ, а ближнюю нашу дачу занимала сестра Вѣра Николаевна Столыпина съ мужемъ и дѣтьми.

Возвратясь изъ-за границы, мы прожили всю осень вмѣстѣ на дачѣ. У сестры моей тогда было уже четверо дѣтей.

Къ зимѣ мы переѣхали въ Петербургъ, въ собственный свой домъ. Тетушка Анна Семеновна, хотя и жила съ своимъ сыномъ на квартирѣ, но всегда имѣла у насъ въ домѣ комнату и часто ночевала. На зиму пріѣхали въ Петербургъ обѣ тетушки, Елизавета Семеновна съ тремя дочерьми и Екатерина Семеновна, которая, по отъѣздѣ нашемъ за границу, вскорѣ овдовѣла; всѣ онѣ бывали у насъ каждый день.

Матушка всю эту зиму была очень слаба; путешествіе за границу, противъ нашего ожиданія, ее очень утомило; она страдала ревматическою болью въ рукахъ, которую она получила отъ простуды въ Италіи, и въ

Парижѣ всю зиму была нездорова. По возвращеніи изъ путешествія она долго не могла поправиться.

Лѣтомъ въ 1821 году мы поѣхали въ Ревель на шесть недѣль, для купанья; осенью возвратились довольно рано. Матушка моя желала провести еще нѣсколько времени за городомъ, такъ какъ осень была прекрасная. Ближняя наша дача была отдана въ наймы и мы проѣхали прямо въ Ораніенбаумъ. Остановясь въ гостинницѣ, нашли въ окрестности дачу адмирала Лупандина свободною уже отъ жильцовъ, остались тамъ всю осень и рѣшили купить эту дачу; она давно была намъ знакома, какъ и все прибрежье; мы нѣсколько лѣтъ проводили тамъ каникулы для купанья по разнымъ дачамъ, какъ то: у Грейга, Чигагова, Бека и на этой дачѣ. Она славится великолѣпными, огромными дубами; неизвѣстно кѣмъ они были посажены, но вѣроятно, еще при Петрѣ Великомъ, а можетъ быть и ранѣе. Дача эта принадлежала нѣкогда графу Роману Илар. Воронцову, отцу княгини Дашковой, которая упоминаетъ о ней въ своихъ запискахъ.

Послѣ того мы нѣсколько лѣтъ, весну и осень жили на ближней дачѣ. Отецъ и братъ мой ѣздили каждый день въ городъ, въ девять часовъ утра, на службу, и къ обѣду возвращались. Но лѣтнія шесть недѣль, вакантное время для отца, мы проживали на дальней дачѣ и пользовались морскимъ купаньемъ, что принесло большую пользу матушкѣ. Она приглашала туда многихъ изъ нашихъ знакомыхъ, и мы проводили время очень пріятно. Братъ жилъ въ городѣ, но пріѣзжалъ каждую

пятницу къ обѣду, а въ понедѣльникъ, утромъ, опять уѣзжалъ на службу.

У насъ на дачѣ была оранжерея съ виноградомъ. Къ намъ всегда собирались на лѣто много молодыхъ дѣвицъ гостить, а когда пріѣзжалъ братъ изъ города, то для нихъ это былъ праздникъ. Бывало, между разными забавами, онъ поведетъ ихъ въ оранжерею, разумѣется, съ позволенія отца—подниметъ раму, пуститъ ихъ туда и опять закроетъ, а онѣ наслаждались фруктами, сколько хотѣли. Отца это веселило, онъ ходилъ и шуткою говорилъ садовнику: „у тебя оранжерея замкнута, а кажется, тамъ птички клюютъ“.

Отецъ мой очень любилъ садоводство и всякія сельскія работы: разводить школы, осушать болота, приготовлять землю разныхъ качествъ и прочія садовыя занятія. Самъ собиралъ сѣмена, особенно яблонныя, и душистый горошекъ (остальныя сѣмена разныхъ цвѣтовъ собирала я для него) и всѣ пакетики хранилъ онъ у себя до весны. Часто обрѣзывалъ самъ сухія вѣтви у фруктовыхъ деревьевъ; не довѣрялъ ножа садовникамъ, находя, что они портили ихъ своею излишнею стрижкою.

Антипатіею его были также танцмейстеры и парикмахеры, которые, онъ говорилъ, не понимали красоту природы; одни портили своими граціями, а другіе—уродливыми прическами.

Онъ любилъ шахматную игру; по этой причинѣ у насъ, на дачахъ и въ городѣ, всегда стояли въ залѣ шахматные столики; самъ онъ не садился за игру, но вся наша молодежь умѣла играть въ шахматы, а онъ

ходя по залѣ, часто останавливался, смотрѣлъ съ удовольствіемъ и помогалъ обѣимъ сторонамъ.

Отецъ мой требовалъ большой вѣжливости отъ молодыхъ людей и дѣлалъ иногда замѣчанія даже постороннимъ, когда онъ находилъ, что они были неучтивы. Замѣтивъ разъ, что молодой офицеръ сталъ въ церкви слишкомъ близко предъ нами и другими дамами, отецъ сказалъ учтиво, но очень серьезно: „м. г. за вами стоятъ дамы“ тотъ, повернувшись, посмотрѣлъ на отца, ничего не отвѣтилъ и отошелъ.

Однажды мы всѣ гуляли съ отцомъ на дачѣ, и ходили по дорожкѣ внизу, близь большой дороги; въ это время проѣзжала коляска съ дамами; отецъ снялъ шляпу и поклонился. „Что это, знакомыя ваши?“ спросила одна особа изъ нашего общества. „Нѣтъ, моя милая, отвѣчалъ онъ, но это дамы, а я предъ дамою всегда снимаю шляпу,“ „respect aux dames!“ какъ онъ выразился.

Одна изъ этихъ дамъ, сосѣдка, проѣзжая часто мимо нашей дачи, очень замѣчала учтивые поклоны моего отца и разсказывала однимъ знакомымъ, что она всегда привставала въ экипажѣ, чтобы отвѣтить самымъ почтительнымъ поклономъ на необыкновенную учтивость этой почтенной личности.

Онъ не только былъ учтивъ съ дамами, но даже всегда особенно внимателенъ.

На придворныхъ балахъ молодыя дѣвицы очень любили, когда онъ подходилъ къ нимъ, потому что слышали отъ него самые милые комплименты и съ нимъ любезничали. Одна особа мнѣ сказывала, что онѣ всегда замѣ-

чали когда онъ входилъ въ залу, между ними слышался тихій говоръ: „voila Mordvinoff.“

По возвращеніи нашемъ изъ-за границы, у насъ по воскресеньямъ собирались только одни родные, а въ прочіе дни къ обѣду отецъ продолжалъ приглашать, какъ и прежде. Онъ былъ можно сказать, изъ послѣднихъ старыхъ бояръ прежнихъ временъ; столъ его былъ открытъ для всѣхъ, богатыхъ и бѣдныхъ; онъ не смотрѣлъ на одежду, былъ привѣтливъ и внимателенъ ко всѣмъ своимъ гостямъ и до такой степени былъ хлѣбосолъ, что когда мы купили домъ на Театральной площади, гдѣ въ то время зимою нѣсколько лѣтъ сряду бывали полковые смотры, отецъ мой приказывалъ дворецкому угощать завтракомъ всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ офицеровъ, кто только пожелаетъ войдти. Парадный входъ дома былъ на углу Никольской улицы, буфетъ же былъ въ нижнемъ этажѣ. Чай, кофе, вино и разныя закуски были приготовлены на столѣ. Нашъ вѣрный слуга Филиппъ Андреевичъ отличался усердіемъ, вспоминая жизнь въ Николаевѣ, гдѣ онъ уже привыкъ къ хлѣбосольству своего господина.

Филиппъ Андреевичъ, старый слуга моего отца, былъ взятъ изъ Бѣлоруссіи, въ числѣ другихъ прислужниковъ, еще при поѣздкѣ нашей въ Херсонъ; послѣ онъ былъ вольно-отпущеннымъ, но оставался у насъ. По правилу отца, слуга при домѣ въ крѣпостномъ состояніи болѣе десяти лѣтъ не служилъ; хорошіе люди не оставляли насъ до конца жизни ихъ, а дурныхъ мы отсылали.

Извѣстно, что прежде солдаты служили двадцать

пять лѣтъ. Отецъ мой часто сожалѣлъ о ихъ участи, говоря, что „рядовой, прослужа всѣ цвѣтущія лѣта своей молодости солдатомъ, возвращается домой какъ въ чужую сторону, ослабѣвъ въ силахъ, безъ денегъ, безъ угла и часто доживалъ свой вѣкъ въ нищетѣ“. Однажды, отецъ мой сказалъ Государю Александру Павловичу, что вѣроятно каждый бы крестьянинъ охотнѣе шелъ въ солдаты, если бы служба ихъ продолжалась не болѣе десяти лѣтъ и если бы имѣлъ надежду возвратиться въ прежнія права своего крестьянскаго быта. Государь возразилъ, что „такое предложеніе было бы обидно для всякаго солдата“. Однако впослѣдствіи, кажется, было сдѣлано частнымъ образомъ освѣдомленіе въ казармахъ и оказалось, что дѣйствительно многіе охотно бы согласились на такое предложеніе.

XIV.

Здоровье отца моего было весьма удовлетворительно; онъ дѣятельно и неутомимо занялся службою. Съ 1821 г. былъ предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, членомъ комитета гг. Министровъ, комитета финансовъ и земледѣльческаго комитета; два изъ этихъ комитетовъ собирались у него, на дому.

Бывъ издавна членомъ Экономическаго Общества, онъ въ 1823 году былъ избранъ президентомъ онаго и сдѣлалъ значительныя пожертвованія изъ собственныхъ своихъ доходовъ въ пользу этого Общества; не ограничиваясь тѣмъ, уговаривалъ многихъ богатыхъ людей жертвовать для сей цѣли, даже убѣдилъ нѣсколько дамъ быть членами Экономическаго Общества, какъ-то: граф. Соф. Вл. Строгонову и другихъ.

О всей пользѣ и усовершенствованіи, которыя онъ доставилъ своимъ управленіемъ этому Обществу, въ рѣчи г. Усова упомянуто подробно.

Не считаю лишнимъ помѣстить здѣсь изъ рѣчи г. Усова нѣсколько словъ о моемъ отцѣ:

„Въ краткомъ очеркѣ жизни его нельзя предста-

„вить всѣхъ многочисленныхъ подвиговъ его дѣятель-„ности. Онъ обращалъ вниманіе на все и покровитель-„ствовалъ всему, въ чемъ видѣлъ общественную пользу. „Онъ поощрялъ наградами и много жертвовалъ отъ „себя денежными пособіями. Онъ оставилъ много раз-„сужденій и писемъ о разныхъ предметахъ государ-„ственнаго и частнаго благоустройства. Графъ Нико-„лай Семеновичъ предавался общественному дѣлу искрен-„но, съ чистою любовью; гдѣ шло дѣло о пользѣ пла-„менно любимаго имъ отечества, тамъ онъ удалялъ вся-„кую мысль о себѣ, забывалъ собственную выгоду, даже „самолюбіе, жертвовалъ всѣмъ своимъ достояніемъ, „только бы благо Государства упрочить и возвысить.“

„Въ частной жизни графъ Николай Семеновичъ былъ „скромный семьянинъ, постоянный доброжелатель и благо-„дѣтель всѣхъ окружающихъ его, и даже посторон-„нихъ. Много слезъ осушено его щедрою рукою и его „дѣятельнымъ попеченіемъ.

„Самъ онъ руководствовался только чистою справед-„ливостію, отъ которой не позволялъ себѣ отступле-„нія даже въ малостяхъ. Безъ ропота покорялся тяж-„кимъ случаямъ, встрѣчавшимся ему въ жизни, полагая „упованіе на премудрый Промыслъ; искренняя, добро-„душная улыбка, выражавшая чистоту души его не пре-„ставала украшать его до конца жизни.“

Въ 1823 году отецъ мой былъ пожалованъ орденомъ св. апостола Андрея Первозваннаго. Многіе удивлялись, что онъ такъ поздно получилъ эту награду; но я знаю, что говорили Государю, что отецъ мой гордъ и пренебрегаетъ наградами. Говоря это, повидимому, имѣли

цѣль удалить его отъ Царя. Они боялись его справедливости и неустрашимой его откровенности. Онъ не былъ гордъ и самолюбивъ, но понималъ свое достоинство. Онъ служилъ Царю вѣрою и правдою; не домогался наградъ, потому что не былъ честолюбивъ, но за милости царя всегда былъ благодаренъ.

Когда онъ получилъ андреевскую ленту, то немедленно поѣхалъ благодарить Государя и принятъ былъ въ его кабинетѣ.—На выраженіе благодарности за эту милость, Государь сказалъ: „*Я удовлетворилъ желанію моего сердца.*“

Отецъ мой любилъ Царя, но не льстилъ ему и не боялся говорить правду. Много разъ я слышала, что онъ говорилъ моей матушкѣ:

„Любовь моя къ Царю и отечеству слиты въ одно чувство въ моемъ сердцѣ!“ Иногда печалило его, что, при удаленіи отъ Царя, онъ не можетъ быть столько ему полезенъ, сколько бы желалъ.

Многіе называли моего отца русскимъ Аристидомъ. Онъ защищалъ одинаково права людей, какъ сильныхъ и богатыхъ, такъ слабыхъ и бѣдныхъ, и не взирая на личность, судилъ по справедливости; всегда свято чтилъ верховную власть и говаривалъ: „бѣда была бы Россіи, если бы власть находилась во многихъ рукахъ“.

Будучи въ Государственномъ Совѣтѣ предсѣдателемъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, онъ продолжалъ отличаться своими мнѣніями, которыми еще болѣе сдѣлался извѣстенъ всей Россіи.

Занимаясь государственными и частными дѣлами, онъ, между прочимъ, возставалъ на винные откупа. Противенъ

былъ его чувству этотъ источникъ дохода—съ вина. На возраженіе, что съ уменьшеніемъ пьянства уменшится и доходъ государственный, отецъ мой говорилъ, что нужно бы стараться извлекать изъ другихъ источниковъ государственный доходъ, а не дѣйствовать во вредъ нравственнымъ принципамъ и не пользоваться способомъ, столь пагубнымъ для здоровья русскаго народа. Плоды пьянства—нищета, болѣзни, смертность; всѣ способности человѣка гибнутъ; трезвый же народъ трудолюбивъ, благоденствуетъ, умножается. Отецъ мой часто говорилъ: что онъ желалъ бы, чтобъ въ Петербургѣ не было болѣе семи кабаковъ и еще прибавлялъ шутя: „и семь модныхъ магазиновъ—какъ семь смертныхъ грѣховъ!“

Однажды, бесѣдуя съ Государемъ Александромъ Павловичемъ, онъ замѣтилъ, что неприлично прибивать царскій гербъ надъ дверьми кабаковъ. Вѣроятно, прежде не обращалось на это вниманія, но послѣ гербы съ питейныхъ домовъ исчезли.

Въ 1824 году, во время наводненія,—мы были въ Петербургѣ и отецъ мой въ этотъ день собирался ѣхать во дворецъ, а братъ, по службѣ, въ департаментъ, но матушка уговорила ихъ остаться;—такой былъ сильный вѣтеръ, что съ крышъ срывало листы желѣза и кружило по площади. Въ 9 часовъ утра вода начала уже выходить изъ трубъ и канавъ. На нижней площадкѣ нашей лѣстницы показалась сырость, а когда площадь стала покрываться водою, то на нее нагнало дровъ, которыя, приплывъ къ нашему дому, ударялись въ окна и разбили стекла; тогда вода хлынула и всѣ комнаты нижняго этажа наполнились водою, поднявшеюся до двухъ

аршинъ высоты. Въ это время гостилъ у насъ дядюшка Коблей и находился въ нижнемъ этажѣ; только что онъ успѣлъ пробраться на верхъ, какъ вода наполнила его комнаты.

Одинъ флигель-адъютантъ проѣхалъ на лодкѣ по площади.

Въ два часа вода постепенно стала сбывать и съ какою радостію мы услышали въ 8 часовъ вечера стукъ экипажей и топотъ лошадей!

Въ 1825 году 29 апрѣля сестра Наталья Николаевна вышла замужъ за камергера Александра Николаевича Львова.

Нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы сестры, 7-го мая, скончался мужъ сестры Вѣры Николаевны, Сенаторъ Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ. Она осталась съ семерыми дѣтьми; меньшой дочери ея было восемь мѣсяцевъ. Послѣ кончины мужа сестра моя всегда проводила лѣто съ нами на дачѣ.

Отецъ мой любилъ дѣтей и былъ ласковъ съ ними, особенно былъ нѣженъ съ дѣвочками; мальчиковъ, онъ говорилъ, не надо баловать. Онъ не вмѣшивался въ воспитаніе, которое другіе родители давали своимъ дѣтямъ, но не былъ равнодушенъ къ тому, что касалось до его семейства. Когда Аркадій Алексѣевичъ взялъ перваго гувернера къ своимъ сыновьямъ, старшему было тогда около восьми лѣтъ. Гувернеръ этотъ былъ швейцарецъ Шербулье, родственникъ литератору Шербулье, человѣкъ очень ученый, отлично зналъ греческій и латинскій языки, но отецъ мой не одобрялъ этого выбора и находилъ, что онъ имѣлъ слишкомъ либеральные прин-

ципы, чтобы довѣрять ему воспитаніе дѣтей. Когда, послѣ двухъ лѣтъ, Аркадій Алексѣевичъ удалилъ его, то отецъ мой былъ очень доволенъ, что такой наставникъ не находился болѣе при его внукахъ.

Онъ любилъ, чтобъ дѣти свободно играли и веселились, но остерегалъ, когда они слишкомъ рѣзвились и шумѣли, говоря съ улыбкою: „совѣтовалъ бы я вамъ попросить вашу маменьку дать вамъ иногда розочекъ, тогда вы, какъ выростете, будете умными и дѣльными людьми; моя матушка тоже меня сѣкла, за то я вышелъ порядочнымъ человѣкомъ.“ Это было говорено шуткою, но ему непріятно было, когда дѣтей наказывали и строго съ ними обращались.

Онъ находилъ только, что не надобно позволять дѣтямъ рѣзвиться до забывчивости, чтобы ихъ разсудокъ не затмѣвался излишнею рѣзвостью, иначе дѣти, привыкнутъ съ малыхъ лѣтъ дѣйствовать безъ размышленія, а отъ этого въ жизни бываютъ дурныя послѣдствія.

Онъ считалъ, что необходимо нужно пріучать дѣтей къ чистописанію, особенно на русскомъ языкѣ не позволять писать связнымъ иностраннымъ почеркомъ; чтобъ каждое слово было написано ясно и буквы были безъ крючковъ и украшеній. Онъ находилъ, что это очень важно и отъ этого бываютъ часто недоразумѣнія и споры въ важныхъ дѣлахъ.

Всѣ свои познанія онъ пріобрѣлъ самъ, безъ помощи учителей. Все, что онъ читалъ, оставалось у него въ памяти, потому что онъ дѣлалъ свои замѣчанія и выписки о всѣхъ полезныхъ предметахъ и продолжалъ это во всю свою жизнь. По замѣчанію его то, что мы

изучаемъ сами безъ помощи другихъ, остается тверже въ памяти.

Онъ не любилъ роскоши и лишнихъ, ненужныхъ расходовъ, но требовалъ приличія и щедро давалъ на все, что необходимо. Домъ его всегда былъ убранъ хорошо, мебель куплена въ лучшихъ магазинахъ, покрыта штофомъ и бархатомъ, но лишнихъ украшеній по столамъ и стѣнамъ—вазъ, канделабровъ и разныхъ бронзовыхъ вещей—онъ никогда не любилъ, особенно не терпѣлъ занавѣсей у дверей и оконъ, называя ихъ тряпками, повторяя слова Говарда: it is a harbour of dust (вмѣстилище пыли) и говорилъ, что чистота и свѣтъ нужны для здоровья.

Когда онъ былъ молодъ и не имѣлъ еще большихъ доходовъ, то считалъ необходимостью всегда отдѣлять хотя малую часть отъ своихъ доходовъ—на черный день, и для этого назначилъ особенный портфель, въ которомъ сберегалъ откладываемыя деньги; кромѣ того, онъ прилагалъ туда же деньги, которыя сберегались отъ опредѣленныхъ расходовъ. Вообще, онъ раздѣлялъ статьи расходовъ на необходимыя и ненужныя; въ необходимыхъ никогда не отказывалъ, а отъ ненужныхъ старался удерживаться, и когда успѣвалъ въ этомъ, то деньги эти откладывалъ тоже въ копилку. Такимъ способомъ онъ всегда имѣлъ особенный маленькій капиталъ, *на черный день*, какъ онъ называлъ.

Онъ считалъ нечестнымъ жить сверхъ своего состоянія и входить въ долги, и говорилъ, что хорошій хозяинъ долженъ вести дѣла свои такъ, чтобы доходъ превышалъ всегда его расходы.

Отецъ мой самъ велъ счеты свои до малѣйшихъ под-

робностей; въ концѣ мѣсяца весь доходъ и расходъ раздѣлялъ по статьямъ, а въ концѣ года соединялъ всѣ предметы также по статьямъ, и оттого всегда могъ легко провѣрять доходы и расходы каждаго года. Онъ продолжалъ вписывать въ книгу самъ до послѣднихъ лѣтъ своей жизни, но сводить счеты, въ послѣднія двадцать лѣтъ поручалъ мнѣ.

Отецъ мой былъ большой знатокъ въ живописи, и когда, еще въ 1784-мъ году, былъ въ Ливорно, въ то время продавалось много галлерей, разоренныхъ знатныхъ фамилій. Онъ воспользовался симъ случаемъ и составилъ себѣ собраніе картинъ знаменитыхъ живописцевъ, которыя ему удобно было увезти на кораблѣ. Въ Николаевѣ онѣ украшали отдѣльную большую залу въ нашемъ домѣ. Въ 1805-мъ году отецъ мой продалъ главную часть изъ нихъ; иныя сгорѣли въ 1812-мъ году въ Москвѣ. Когда же онъ поселился въ Петербургѣ, то снова началъ покупать, и ему удалось пріобрѣсти нѣсколько изъ прежнихъ проданныхъ имъ картинъ знаменитыхъ живописцевъ (¹).

Дядя мой, Александръ Семеновичъ, также умѣлъ цѣнить

(¹) А именно пріобрѣтены:

1. Рафаэля . . . . Іоаннъ Креститель.
2. Леонарда де-Винчи . . . Иродіада.
3. Джуліо-Романо . . . . . Адамъ и Ева.
4. Микель-Анжело. . . . . Святое Семейство со спящимъ Младенцемъ.
5. Сассо-Ферато . . . . . Пресвятая Дѣва.
6. Шедони (Schedoni). . . . Эротъ.

и еще нѣсколько другихъ.

живопись, но ни онъ, ни отецъ мой не были живописцами. Въ то время предпочитали болѣе гражданскую службу, нежели художественныя занятія, но оба они, пользуясь случаями, пріобрѣли себѣ большія коллекціи картинъ.

Братъ мой, Александръ Николаевичъ, съ малыхъ лѣтъ выказывалъ свой талантъ къ живописи. Сколько картиночекъ я сберегала съ пятилѣтняго его возраста, на которыхъ такъ мило и ясно выражалось его пылкое живописное воображеніе! Однажды, когда ему было восемь лѣтъ, онъ скульптировалъ ножичкомъ на кусочкѣ разбитой алебастровой вазы лошадь и воина, который держалъ ее за узду; фигура ихъ была такъ прекрасна, и поза такъ натуральна, что отецъ мой былъ удивленъ талантомъ ребенка и сохранилъ этотъ кусочекъ между своими рѣдкостями, говоря: „какъ жаль, что этотъ талантъ не данъ бѣдному мальчику, онъ былъ бы русскимъ Рафаэлемъ“.

Отецъ мой готовилъ его быть государственнымъ человѣкомъ и братъ мой никогда не имѣлъ хорошаго учителя живописи, но всегда любилъ рисовать. Послѣ кончины первой своей жены онъ началъ пользоваться своимъ врожденнымъ талантомъ. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Италіи, онъ бралъ этюды съ натуры въ Венеціи, Римѣ и Неаполѣ, по которымъ написалъ нѣсколько картинъ, возвратясь въ Россію. Послѣ того онъ постоянно занимался этимъ искусствомъ и оставилъ много отличныхъ картинъ, которыя извѣстны и оцѣнены знатоками.

По кончинѣ отца онъ ѣздилъ нѣсколько разъ съ семействомъ въ Италію и продолжалъ заниматься живописью.

XV.

Въ 1825 году, по кончинѣ Государя Александра Павловича, были частые съѣзды во дворцѣ и отецъ мой безпрестанно туда ѣздилъ. Декабря 13-го приказано было съѣзжаться въ 8 часовъ вечера въ Зимній дворе́цъ, въ ожиданіи Великаго Князя Михаила Павловича изъ Варшавы. Всѣ собравшіеся долго ожидали его пріѣзда; вдругъ пришелъ графъ Милорадовичъ и объявилъ, что приказано собраться всѣмъ въ залу Государственнаго Совѣта. Всѣ туда пошли и заняли свои мѣста. На всѣхъ лицахъ выражалось ожиданіе великой вѣсти; тогда вошелъ Великій Князь Николай Павловичъ, съ бумагами въ рукѣ, и сѣлъ на президентское мѣсто. Все смолкло. Онъ началъ читать манифестъ. Отецъ мой понялъ, что *самъ Государь* читаетъ и первый всталъ; всѣ послѣдовали его примѣру и стали вставать одинъ за другимъ. Послѣ манифеста Государь прочелъ всѣ письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны и братьевъ своихъ.

Въ тотъ вечеръ собралось къ намъ нѣсколько родныхъ и отецъ мой возвратился домой очень поздно; мы всѣ ожидали его съ нетерпѣніемъ. На другой день

назначено было собраться для присяги въ Сенатѣ, въ 9 часовъ утра, въ Совѣтѣ въ 11 часовъ и во Дворцѣ въ 2 часа.

14-го декабря, рано по утру, услышали мы, что сенаторамъ приказано было присягать въ 7 часовъ утра, вмѣсто 9. Перемѣна эта удивила насъ: что такъ рано подняли старичковъ? Вскорѣ прибѣжалъ къ отцу Г. Д. Столыпинъ, въ большомъ смущеніи и со слезами спрашивалъ: что дѣлать? „У меня три сына, молодые офицеры гвардіи, приказано сегодня присягать Николаю Павловичу, а Г.—увѣряетъ, что Константинъ Павловичъ не отрекся“. Отецъ мой побранивъ Г., убѣдилъ не вѣрить ложнымъ слухамъ и успокоилъ Столыпина. Едва этотъ ушелъ, прибѣжалъ другой сосѣдъ съ извѣстіемъ, что солдаты въ казармахъ бунтуютъ. Отецъ сейчасъ велѣлъ заложить карету и послалъ сказать брату, чтобъ онъ ѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ во Дворецъ. Матушка испугалась и просила не ѣхать, когда въ городѣ неспокойно, но отецъ сказалъ: „когда Государь въ опасности, нашъ долгъ быть при Немъ!“ и матушка болѣе ихъ не удерживала; они оба отправились во Дворецъ.

Цѣлый день мы были въ страшномъ безпокойствѣ. Наканунѣ тетушка у насъ ночевала и осталась съ нами. Люди наши приносили намъ тревожные слухи, безпрестанно бѣгая освѣдомляться на площадь. Этотъ день описанъ многими и извѣстенъ всѣмъ. Мы все время ходили по залѣ; матушка нѣсколько разъ посылала узнавать объ отцѣ, но посланные никакъ не могли пробраться во Дворецъ сквозь толпу, и мы весь день были

въ неизвѣстности. Матушка моя всегда во время душевныхъ испытаній, сохраняя спокойный видъ, не тревожила окружающихъ ее волненіемъ своихъ чувствъ, и съ кротостію покорялась волѣ Божіей.

На нашей площади мало было народа, всѣ стремились въ ту сторону, гдѣ собиралось войско. Вдругъ мы услышали шумъ на улицѣ, бросились къ окну и увидѣли идущихъ въ безпорядкѣ солдатъ экипажа-гвардіи, которыхъ велъ офицеръ съ обнаженною саблею, и оборачиваясь безпрестанно къ нимъ, говорилъ съ большимъ жаромъ. Они прошли площадь и направились къ бунтовщикамъ. Это насъ ужасно поразило. Въ ту минуту вошелъ въ залу старый слуга, Филиппъ Андреевичъ, чтобы накрывать на столъ къ обѣду, но увидѣвъ также солдатъ въ безпорядкѣ, остановился и сказалъ матушкѣ: „грѣшно теперь обѣдать, позвольте не накрывать стола“. Мы всѣ охотно согласились и не обѣдали тотъ день. Сестра Вѣра Николаевна съ дѣтьми пріѣхала къ намъ ночевать. Въ 8-мъ часу отецъ прислалъ сказать, что онъ здоровъ, а самъ пріѣхалъ довольно поздно, потому что по окончаніи всей тревоги было молебствіе и присяга. На другой день отецъ мой ѣздилъ опять во Дворецъ, и возвратясь, разсказывалъ, какъ онъ удивлялся краснорѣчію молодаго Государя. Императоръ Николай въ присутствіи всѣхъ объяснилъ весь заговоръ кратко и ясно, слогомъ Тацита, какъ сравнилъ отецъ.

Въ мартѣ 1826-го года привезли тѣло въ Бозѣ почившаго Государя Александра Павловича. Отецъ мой, при печальной церемоніи въѣзда въ Петербургъ, несъ

изъ императорскихъ регалій царскій скипетръ; ассистентомъ его былъ адмиралъ Кушелевъ.

Тогда отецъ мой былъ уже 72-хъ лѣтъ, одѣтъ, какъ слѣдуетъ, въ полной формѣ, и какъ всѣ другіе, былъ въ черномъ плащѣ и большой траурной шляпѣ. Погода была ужасная; вѣтеръ и вьюга. Бѣдный адмиралъ Кушелевъ простудился и умеръ. Отца моего Богъ сохранилъ; съ нимъ не было никакихъ послѣдствій.

Въ августѣ мы поѣхали въ Москву на коронацію — отецъ, матушка, братъ и я.

Въ тотъ годъ лѣто было очень жаркое и много было пожаровъ, горѣли лѣса и деревни. Намъ пришлось нѣсколько разъ проѣзжать мимо пожаровъ; одна деревня была совершенно въ пламени съ обѣихъ сторонъ, когда мы ее проѣзжали. Страшно было видѣть пробирающійся въ лѣсу огонь и слышать трескъ горящихъ деревьевъ. Многіе другіе, проѣзжая, тоже видѣли подобныя зрѣлища.

По прибытіи въ Москву, одна моя родственница упросила меня ѣхать съ нею къ однимъ ея знакомымъ, гдѣ можно было видѣть церемоніальный въѣздъ; я согласилась ѣхать, съ тѣмъ, чтобы меня не называли.

Когда придворные золотые экипажи проѣзжали мимо, одна изъ каретъ, въ которой сидѣлъ отецъ мой, остановилась противъ самыхъ тѣхъ оконъ, гдѣ мы были, и онъ въ ту минуту смотрѣлъ на нашу сторону. Двѣ дамы съ живостью сказали: „посмотрите, какое почтенное, выразительное лице старичка съ бѣдыми волосами!“ а третья имъ отвѣтила: „это адмиралъ Ник. Сем. Мордвиновъ“.

Во время празднества была иллюминація, и какъ

нашъ домъ былъ почти за городомъ, то мы видѣли ее отлично, особенно Кремль былъ точно залитъ огнемъ.

Въ Москвѣ мы пробыли долѣе чѣмъ предполагали; отецъ мой заболѣлъ рожею, что насъ и задержало; мы всѣ оставались до его выздоровленія.

Въ 1827-мъ году отецъ мой занялся устройствомъ страховаго отъ огня общества, которое и теперь считается лучшимъ.

Въ томъ же году тетушка Анна Семеновна переселилась въ Москву, потому что сынъ ея купилъ имѣніе въ Дмитровскомъ уѣздѣ и она рѣшилась жить съ нимъ, но не желая вовсе разстаться съ своимъ братомъ и его семействомъ, обѣщала пріѣзжать каждый годъ, гостить на нѣсколько мѣсяцевъ у насъ; при всемъ томъ родителей моихъ огорчилъ ея отъѣздъ, такъ какъ они никогда надолго съ нею не разставались.

Въ 1828-мъ году, сентября 2-го, братъ мой Александръ Николаевичъ женился на Анастасіи Алексѣевнѣ Яковлевой.

Зимою пріѣзжала гостить къ намъ тетушка Анна Семеновна.

Въ 1829-мъ году отецъ мой получилъ отъ Государя Николая Павловича алмазные знаки ордена св. Апостола Андрея.

Въ 1830-мъ году 16-го января родился у брата сынъ Николай.

Въ маѣ пріѣхала къ намъ тетушка Анна Семеновна и пробыла до сентября. Въ это время въ Москвѣ появилась холера, почему она и поторопилась уѣхать къ своимъ дѣтямъ.

Послѣ 1830-го года отецъ мой, кажется, не ѣздилъ уже на придворные балы, такъ какъ они начинались довольно поздно, но на выходы и въ Совѣтъ продолжалъ ѣздить. На частныхъ балахъ никогда не бывалъ, кромѣ какъ у друга своего Александра Семеновича Шишкова. По временамъ посѣщалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ.

Въ „семейной хроникѣ" Аксаковъ упоминаетъ объ одномъ вечерѣ Алек. Сем. Шишкова, на которомъ была разыграна итальянская піеса. Авторъ говоритъ: „что онъ былъ свидѣтелемъ патетической сцены, видѣлъ *самъ* какъ взволновано было семейство Николая Семеновича Мордвинова. при звукахъ итальянскаго языка, что они плакали какъ дѣти." Во-первыхъ, семейство Ник. Сем. Мордвинова не было на этомъ представленіи, и дочери его ни слова не говорили по итальянски. Не странно ли позволять себѣ писать такую небылицу!

Аксаковъ сказалъ другую нелѣпость, „что Мордвиновъ имѣлъ привилегію цѣловать въ губы знакомыхъ дамъ и дѣвицъ и что онѣ весьма дорожили его поцѣлуями" и „Русская Старина" повторяетъ то, чего никогда не бывало!

„Русская Старина" (январь, 1872) говоритъ, что „изъ литераторовъ были близки Мордвинову: Воейковъ, Грибоѣдовъ и Рылѣевъ". Воейкова я совсѣмъ не помню; Грибоѣдовъ никогда не былъ даже представленъ моему отцу, а Рылѣевъ былъ въ домѣ раза два—не болѣе. Отецъ мой продолжалъ знакомство только со старинными литераторами и поэтами, какъ то: съ Шишковымъ, Державинымъ, Карамзинымъ, Жуковскимъ и проч. Съ литераторами и поэтами новаго поколѣнія, онъ можетъ быть, встрѣчался у Шишкова, но ни съ кѣмъ не былъ

близокъ, даже Пушкинъ къ нему не ѣздилъ, хотя отецъ мой съ удовольствіемъ читалъ нѣкоторыя его сочиненія. Съ Алек. Семен. Шишковымъ самая искренняя дружба продолжалась до конца его жизни.

„Русская Старина" передаетъ, что „Мордвиновъ вслѣдствіе паденія Сперанскаго, уѣхалъ въ Пензу". Совсѣмъ не то!— Онъ, просто, поѣхалъ весною въ свою подмосковную съ своимъ семействомъ провести лѣто, какъ сказано выше (*).

Какъ Сперанскій, такъ и отецъ мой были государственные люди и занимаясь одними предметами могли посѣщать другъ друга. Отецъ мой цѣнилъ его умственныя дарованія; но душевныя ихъ качества были совершенно различны; потому они и не могли сблизиться и быть въ короткихъ отношеніяхъ.

По возвращеніи Сперанскаго въ Петербургъ, отецъ мой и онъ жили въ одномъ городѣ почти 20 лѣтъ, и никогда не ѣздили одинъ къ другому.

(*) На 52 страницѣ.

XVI.

Въ 1831 году, февраля 3-го, матушка захворала горячкою. Мы тогда уже пользовались гомеопатіею, и удачное леченіе ея опасной болѣзни сдѣлало насъ совершенно гомеопатами. Тогда отецъ мой написалъ маленькое свое сочиненіе „О Гомеопатіи.“

Еще въ печати извѣстны три его сочиненія: „О пользахъ, могущихъ послѣдовать отъ учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ“, „О мануфактурахъ въ Россіи и Тарифѣ“ и „О способахъ къ полученію выгодныхъ урожаевъ.“

Когда, въ 1830 году, въ Москвѣ появилась холера, то по письмамъ нашихъ Львовыхъ и Корсаковыхъ изъ Московской и Саратовской губерній видно было, какъ удовлетворительно было тамъ гомеопатическое леченіе отъ этой эпидеміи. Они сами лечили своихъ крестьянъ и многихъ другихъ въ ихъ окрестностяхъ; иные сосѣди послѣдовали также ихъ примѣру. Удачное леченіе внушило крестьянамъ довѣріе; они безпрестанно обращались къ нимъ за помощію. Помѣщики сами ѣздили по больнымъ, а жены ихъ приготовляли порошки по гомеопатической системѣ.

Письма сестры моей, Львовой, особенно интересовали

насъ, и когда холера появилась въ Петербургѣ, отецъ потребовалъ отъ нихъ всѣ свѣдѣнія, которыя нужно было имѣть: описаніе періодовъ болѣзни, леченіе ея, отчетъ въ успѣхахъ, и присоединивъ къ этому нѣкоторыя извлеченія изъ писемъ, послалъ все къ русскому консулу въ Америку; писалъ къ нему, что такъ какъ холера прошла всю Россію и обходитъ Европу, то онъ полагаетъ, что эта болѣзнь неминуемо посѣтитъ и Америку; а какъ Америка, подобно Россіи, еще новый край, безъ всѣхъ тѣхъ удобствъ, которыми пользуется Европа, то видя, сколько гомеопатія была полезна въ Россіи, онъ считаетъ долгомъ по человѣчеству сообщить въ Америку все, что онъ собралъ въ доказательство превосходства сего леченія. Консулъ представилъ всѣ сіи бумаги медицинскому факультету и американскіе доктора приняли это во вниманіе.

Въ Америкѣ гомеопатія получила большой успѣхъ; въ то время тамъ было не болѣе четырехъ докторовъ-гомеопатовъ, а теперь въ Соединенныхъ Штатахъ около четырехъ тысячь гомеопатическихъ врачей!

По прошествіи десяти лѣтъ послѣ того, какъ отецъ мой послалъ свои замѣчанія о гомеопатіи, онъ получилъ дипломъ отъ Сѣверо-американскаго гомеопатическаго факультета. Ему сдѣлали честь, избравъ его почетнымъ членомъ ихъ Общества, признавъ его однимъ изъ первыхъ, содѣйствовавшихъ введенію гомеопатіи въ Америкѣ.

Слѣдя за случайными открытіями, онъ тоже обратилъ вниманіе на г-жу Турчанинову, извѣстную многимъ докторамъ. Она почувствовала въ себѣ магнети-

ческую силу лечить горбатыхъ и коротконогихъ и пріѣхала въ Петербургъ заняться этимъ. Сила ея магнетизма, которую она сообщала больнымъ, не прикосновеніемъ своихъ рукъ, а однимъ зоркимъ взглядомъ, давала имъ способность ясновидѣнія, понимать и чувствовать, что полезно было для ихъ недуга. Разъ, по просьбѣ знакомой дамы, Турчанинова лечила у насъ въ домѣ одного бѣднаго мальчика, и какъ больные обыкновенно дѣлали удивительныя движенія, мальчикъ вертѣлся на палкѣ, которую держали два человѣка; одинъ изъ нихъ со страха выронилъ палку изъ рукъ, мальчикъ упалъ и вывихнулъ себѣ руку. Г-жа Турчанинова въ испугѣ упала въ обморокъ, а покровительница его убѣжала. Родители мои бросились помогать бѣдному мальчику, снесли его въ кабинетъ, послали за костоправомъ, и вмѣстѣ съ нимъ сами помогали въ этой операціи. Мальчикъ этотъ остался впослѣдствіи на попеченіи моихъ родителей.

Въ 1832-мъ году сестрица, супруга брата моего, Анастасія Алексѣевна сдѣлалась очень больна и братъ мой рѣшился ѣхать съ нею за границу, а также и братъ ея Иванъ Алексѣевичъ поѣхалъ съ ними. Въ Венеціи она скончалась 9-го января 1833 года и ее привезли въ Петербургъ.

Отецъ мой, въ этомъ же году, упалъ ложась спать, и съ недѣлю былъ боленъ; онъ былъ подверженъ головокруженію.

Сестра Вѣра Николаевна занемогла нервической горячкою, и послѣ двухнедѣльной болѣзни мы ее лишились 4-го января 1834 года. Смерть сестры по-

разила матушку. Горестна была эта потеря и для всѣхъ насъ; единственнымъ утѣшеніемъ матушки было воспитаніе сиротъ сестры моей при себѣ. Онѣ и переѣхали всѣ къ намъ. Братъ мой никогда не разставался со своими родителями и всегда жилъ съ своимъ семействомъ въ одномъ домѣ съ нами. Матушка моя нѣжно любила всѣхъ своихъ дѣтей и внучатъ, но кажется, еще горячѣе единственнаго своего сына и его Колю.

Этотъ мальчикъ съ самаго дѣтства былъ одаренъ всѣми лучшими качествами душевными, сердечными и умственными, нрава кроткаго и веселаго, притомъ красивъ и граціозенъ; онъ былъ общій любимецъ въ нашемъ семействѣ. Этого ангела, къ величайшему отчаянію отца его и горести всего семейства, лишились въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ его юности,— на семнадцатомъ году отъ рожденія, 24-го сентября 1846 года.

XVII.

Отецъ мой въ 1834 году пожалованъ въ графское достоинство.

Въ 1837 году старшая внучка его, Марья Аркадьевна Столыпина, вышла за мужъ за камеръ-юнкера Ивана Александровича Бека.

Въ 1838 году братъ Александръ Николаевичъ поѣхалъ въ Крымъ; на обратномъ пути, въ Москвѣ 1839 года женился на дочери графа Петра Александровича Толстаго, графинѣ Александрѣ Петровнѣ, и въ февралѣ пріѣхали къ намъ въ Петербургъ.

Отъ этого брака у брата было трое дѣтей. Первая дочь, Марія, умерла малюткою; вторая, Анна, родилась въ 1841 году октября 14, нынѣ въ замужствѣ съ княземъ Александромъ Константиновичемъ Имеретинскимъ. Сынъ Александръ родился 12 ноября 1843 года.

Братъ мой скончался въ Одессѣ 13 декабря 1858 года. Внезапная его смерть поразила все семейство и друзей его. Незабвенная память о немъ останется навсегда въ сердцахъ, близкихъ ему. Онъ былъ нѣжнѣйшій сынъ, супругъ, отецъ и братъ; нрава былъ чрезвычайно кроткаго и пріятнаго, внимателенъ ко всѣмъ,

любезенъ въ обществѣ и домашнемъ кругу. Онъ много читалъ; умъ его былъ просвѣщенъ; но скромности былъ необыкновенной: никогда не выказывалъ своихъ познаній. При строгихъ и честныхъ своихъ правилахъ, онъ былъ удивительно снисходителенъ къ другимъ.

Онъ былъ очень щедръ и много помогалъ нуждающимся; съ евангельскою чистотою души его лѣвая рука не вѣдала, что правая творила.

Въ 1839 году отецъ мой купилъ домъ въ Царскомъ Селѣ и мы жили въ немъ весну и осень, а ближнюю дачу онъ отдавалъ на лѣто знакомымъ бѣднымъ семействамъ, даромъ.

Отецъ мой не только помогалъ услугами, но и денежнымъ пособіемъ; онъ давалъ не по слабости и не по честолюбію, но по чувству благотворительности; дарилъ тысячами, когда человѣкъ былъ достойный, а иногда разсчитывалъ дать рубль и даже менѣе, когда человѣкъ казался ему сомнительнымъ.

Одна госпожа прибѣгла къ помощи моего отца, и со слезами представляя крайнюю бѣдность свою, упала предъ нимъ на колѣни; онъ тотчасъ же вынулъ изъ бумажника сто рублевую ассигнацію и положилъ ей на руку; къ удивленію его, она посмотрѣла на ассигнацію и съ недовольнымъ видомъ и съ раскрытою ладонью сказала отцу „что я съ этимъ буду дѣлать?“ Тогда очень хладнокровно, взявъ съ ея руки эту бумажку, онъ положилъ ее обратно въ портмоне, сказавъ: „если вы не знаете что съ этимъ дѣлать, то я найду кому отдать, кто съумѣетъ употребить это въ свою пользу“ — и ушелъ.

Всегдашней привычкой отца моего было, ходя по комнатѣ или гуляя, размышлять и обдумывать что-либо, и по этой причинѣ онъ всегда любилъ ходить одинъ. На дачѣ онъ гулялъ обыкновенно по лѣсамъ и лугамъ, рѣдко по обдѣланнымъ дорожкамъ; случалось ему иногда и споткнуться на камень, или оступиться въ ямку, въ чемъ онъ и сознавался, смѣясь. Но послѣ того, какъ у него сдѣлалось разъ головокруженіе, когда онъ ложился спать, онъ упалъ и былъ боленъ, — матушка стала бояться, когда онъ долго не возвращался съ прогулки и посылала кого-нибудь изъ насъ тайкомъ слѣдить за нимъ издали, такъ, чтобы онъ этого не замѣчалъ.

Заботясь о воспитаніи дѣтей, онъ пользовался всѣми случаями внушать имъ съ малыхъ лѣтъ—уважать не только законъ Божій, но и законы гражданскіе. Напримѣръ: однажды на дачѣ онъ засталъ тринадцати-лѣтняго мальчика, меньшаго своего внука Столыпина, который выкапывалъ старый столбъ, поставленный среди дорожки, и выкопавъ его, повалилъ. Дѣдушка разсердился на внука за эту шалость, и побранивъ его, растолковалъ всю важность столба, означающаго чужую собственность или какое-либо запрещеніе.

Отецъ мой былъ вспыльчивъ, но эта горячность была мгновенная, и когда я замѣчала, что онъ своею горячностью кого-нибудь огорчилъ, то, зная его доброту, нѣжность и сознательность, я никогда не боялась придти къ нему, высказать замѣченное мною, и мало того, что онъ всегда, бывало, поблагодаритъ меня за это и приласкаетъ, но сейчасъ велитъ позвать того, о комъ была рѣчь или самъ пойдетъ, чтобы утѣшить огорченнаго;

но когда подобное случалось со мною, то я не могла рѣшиться замѣтить ему это; мнѣ жаль было огорчить его своимъ оправданіемъ, тѣмъ болѣе, что его вспыльчивость скоро проходила и онъ никогда долго не сердился.

Мы всегда замѣчали, когда отецъ мой находился на службѣ, то казалось, былъ веселѣе и спокойнѣе, а внѣ службы, хотя и всегда былъ занятъ, но иногда былъ болѣе раздражителенъ и болѣе обращалъ вниманія на мелочную домашнюю неисправность.

Вспомнила я, что тетушка Екатерина Семеновна, которая, по словамъ ея, въ молодости была большая трусиха, разсказывала, что отецъ мой всегда ее за это бранилъ. Однажды родители мои должны были ѣхать по мосту черезъ рѣку, и съ ними въ каретѣ сидѣли тетушки. Екатерина Семеновна подъѣзжая къ мосту, по обыкновенію просила выйдти, чтобы пройти пѣшкомъ, но отецъ разсердился и не позволилъ никому выходить. Едва успѣли они съѣхать на другой берегъ—мостъ обрушился. Этотъ случай такъ поразилъ моего отца, что онъ никогда не могъ равнодушно вспомнить о томъ и сознавался, что онъ упрямствомъ своимъ могъ лишиться жены и сестеръ. Послѣ того онъ всегда заставлялъ выходить изъ экипажа, когда встрѣчался на пути мостъ, и сдѣлался такъ остороженъ, что не позволялъ намъ сидѣть въ каретѣ, когда приходилось подниматься на гору или спускаться, и шутя говорилъ, что надо лошадямъ дать отдохнуть, а намъ полезно пройтись; тѣхъ же, которыя не выходили, называлъ *куколками*.

Когда изъ Крыма первый разъ мы пріѣхали въ Петербургъ, матушка выѣзжала на всѣ придворные и частные балы, но впослѣдствіи предпочитала дружескій кругъ знакомства, и семейная жизнь была болѣе ей по-сердцу.

Нравъ матушки былъ удивительный: она была довольно живаго характера, все видѣла и замѣчала, но никогда не сердилась. Она была очень проницательна: по физіономіи угадывала людей безошибочно и часто предостерегала отца противъ тѣхъ, которые казались ей не истинно преданными. Замѣчанія ея всегда были совершенно справедливы и предсказанія сбывались. Родители мои жили такъ, что у нихъ не было тайны другъ отъ друга. Отецъ имѣлъ такое высокое мнѣніе о здравомъ разсудкѣ матушки и вѣрномъ ея сужденіи, что часто читалъ ей свои сочиненія, прося ее высказывать свои замѣчанія. Она много читала нравственныхъ, поучительныхъ и религіозныхъ книгъ, любила стихотворенія, читала хорошіе англійскіе романы; французскихъ не терпѣла и не одобряла ихъ, также какъ и сочиненій французскихъ философовъ.

Однажды отецъ мой привезъ изъ книжной лавки одно изъ сочиненій Вольтера. Матушка не одобрила эту покупку. „Я старъ, сказалъ онъ, и мнѣ Вольтеръ вреда не сдѣлаетъ.“

Нѣсколько дней спустя, мы сидѣли у стола и завтракали; въ это время топилась печка. Отецъ вошелъ и что-то принесъ, завернувъ въ полу своей шелковой шинельки, которую обыкновенно носилъ сверхъ фрака, сталъ на одно колѣно къ печкѣ и началъ класть въ

огонь книги одну за другою, съ улыбкою посматривая на насъ, а мы на него съ любопытствомъ и удивленіемъ. Потомъ онъ сказалъ: „дѣтушки! правду маменька говорила: не стоитъ читать Вольтера и намъ старичкамъ!“

Въ молодости, отецъ мой читалъ всѣхъ французскихъ философовъ, увлекаясь ихъ краснорѣчіемъ; но когда онъ женился, матушка убѣдила его, что не нравственныхъ и не религіозныхъ книгъ читать не слѣдуетъ. Убѣжденія ея были такъ искренны, такъ сильны, что онъ, чувствуя справедливость ея замѣчаній, пересталъ ихъ читать.

Метафизику и мистическія сочиненія никогда не любилъ, а Канта запрещалъ даже читать намъ.

Отецъ мой много занимался исторіею и твердо зналъ всѣхъ знаменитыхъ древнихъ историковъ и краснорѣчивыхъ ораторовъ, греческихъ, латинскихъ и славянскихъ. Новѣйшіе историки были тоже ему извѣстны, но впослѣдствіи онъ болѣе слѣдилъ за прогрессомъ усовершенствованія всѣхъ наукъ и за современными событіями. Читалъ путешествія, газеты и разныя новыя сочиненія; особенно политическая экономія и наука земледѣлія всегда интересовали его.

Удивительно, какъ отцу моему была извѣстна вся Россія, народонаселеніе ея во всѣхъ частяхъ, климаты, богатства, скрытыя въ нѣдрахъ земли и на землѣ русской, всѣ лѣсныя и степныя мѣста, почвы и качества земли и всѣ преимущества, коими одарилъ Богъ Россію для ея блага и богатства! Онъ говорилъ, что Россія не нуждается въ помощи никакихъ другихъ странъ: она богата сама собою.

Занимаясь историческими сочиненіями, онъ замѣчалъ, что въ нихъ прославляютъ храбрыхъ завоевателей какъ великихъ людей, но отецъ мой называлъ ихъ—разбойниками. Защищать свое отечество—война законная, но идти въ даль съ корыстолюбивыми замыслами, проходить пространство земель и морей, разорять жилища мирныхъ людей, проливать кровь невинную, чтобы завладѣть ихъ богатствомъ,—такими завоеваніями никакая просвѣщенная нація не должна гордиться.

Онъ такъ твердо зналъ географію и помнилъ до преклонныхъ лѣтъ, что хотя въ послѣдніе годы его жизни ослабѣло зрѣніе, но когда читали ему какія-нибудь путешествія, то онъ могъ указать пальцемъ на картѣ, гдѣ находится какой городокъ или рѣчка, если чтецъ затруднялся отыскать.

XVIII.

Отецъ мой обыкновенно вставалъ въ 8 часовъ, завтракалъ въ 9-ть съ матушкой и вмѣстѣ съ нами; когда былъ здоровъ, выѣзжалъ каждый день, но не для прогулки, а въ Государственный Совѣтъ, въ комитеты, или куда нужно по дѣламъ; заѣзжалъ иногда въ книжныя лавки. Выходя изъ дома, не садился прямо въ экипажъ, а проходилъ нѣсколько пѣшкомъ и карета за нимъ слѣдовала.

Нельзя сказать, чтобы здоровье его было крѣпкое, но онъ никогда не боялся ненастной погоды, ни мороза; и когда выѣзжалъ, то въ каретѣ всегда одно окно было спущено. Лѣтомъ же, на дачѣ, когда нужно было идти смотрѣть какую работу, онъ очень часто выходилъ въ дождливую погоду, подъ зонтикомъ: онъ находилъ—что чистый воздухъ—лучшее лекарство для здоровья. Даже сквознаго вѣтра онъ не остерегался, говоря, что вѣтеръ очищаетъ воздухъ. Когда же не выѣзжалъ, то предъ обѣдомъ игралъ съ нами въ воланъ; и какъ онъ отлично мѣтко и ловко игралъ, то, чтобы не остаться безъ движенія, переступалъ все время съ одной ноги на другую.

Обѣдали мы въ четыре часа, и если не было гостей, то послѣ обѣда съ кѣмъ-нибудь изъ насъ онъ игралъ въ карты—въ дурачки, потому что не любилъ отдыхать; послѣ того онъ занимался въ своемъ кабинетѣ. Въ 8-мь часовъ вечера прохаживался по залѣ около часа. Чаю вечеромъ не пилъ, а въ десять часовъ кушалъ разварной рисъ съ краснымъ виномъ или съ молокомъ; любилъ лакомства—пряники, сухіе плоды въ сахарѣ, черносливъ; кушалъ апельсины, вишни и виноградъ, которыхъ запасъ всегда былъ у него въ кабинетѣ, но во всемъ былъ умѣренъ. Въ большомъ письменномъ столѣ его одинъ ящикъ былъ всегда занятъ сладостями, и тамъ же мѣшечекъ съ сухариками изъ чернаго хлѣба. Мясное онъ мало кушалъ, болѣе любилъ рыбное. Послѣ ужина опять возвращался въ залу и прохаживался довольно долго. Матушка уходила въ 11-ть часовъ, тогда и мы расходились. Отецъ входилъ въ спальню уже безъ огня, чтобы не разбудить матушку; свѣчку ставили близь дверей, а потомъ уносили.

До глубокой старости онъ самъ одѣвался и раздѣвался безъ помощи камердинера; отъ самыхъ юныхъ лѣтъ сохранилъ привычку вычищать щеткою все свое платье—на себѣ, когда ложился спать, и складывалъ самъ каждую вещь; подъ подушку клалъ бумагу и карандашъ для того, чтобы записывать свои мысли „une idée lumineuse“—какъ онъ бывало говорилъ.

Никогда не надѣвалъ халата, съ утра одѣвался во фракъ; носилъ постоянно шелковыя черныя чулки и башмаки.

Сверхъ фрака надѣвалъ дома легонькую шелковую

длинную шинельку съ рукавами синяго цвѣта, въ которой и представленъ на портретѣ Дау (Dow).

Бѣлизна и блескъ серебристыхъ его волосъ были замѣчательны;—мягкіе какъ шелкъ, волнистые свои волосы, онъ приглаживалъ щеткою, оставляя довольно длинными. Матушка моя дорожила его волосами, сама всегда подрѣзывала и сохраняла ихъ.

У отца моего было очень хорошее зрѣніе; онъ всегда читалъ и писалъ безъ очковъ; употреблялъ ихъ тогда, когда гулялъ, чтобы видѣть дальніе предметы. Занимаясь, всегда сидѣлъ у письменнаго стола на обыкновенномъ креслѣ, никогда на мягкихъ покойныхъ мебеляхъ не садился. Не требовалъ много свѣта, когда читалъ; книга лежала на столѣ, онъ никогда не нагибался и не поднималъ ее къ огню.

Конторщика никогда не имѣлъ для собственныхъ дѣлъ своихъ; самъ писалъ къ управляющимъ въ свои имѣнія; насъ заставлялъ переписывать копіи въ книгу.

Секретаря имѣлъ, когда находился на службѣ, для переписки дѣловыхъ бумагъ, которыя составлялъ самъ.

Никогда ничего не подписывалъ не прочитавъ прежде.

Въ послѣдніе уже годы взялъ чтеца, у котораго всегда лежалъ карандашъ, чтобы въ книгѣ отмѣчать мѣста любопытныя и полезныя, которыя онъ находилъ, такъ какъ самъ уже болѣе выписокъ не дѣлалъ. Французскія и англійскія книги читали гувернеры его внука.

Одинъ миссіонеръ, пріѣхавъ изъ Англіи въ Петербургъ, занялся переводами нравственныхъ разсказовъ

для русскаго народа, которыя намѣренъ былъ продавать по дешевой цѣнѣ. Отецъ мой, узнавъ это, пожелалъ съ нимъ познакомиться, пригласилъ его къ себѣ, поощрилъ его въ этомъ благомъ дѣлѣ, давъ ему тысячу рублей, чтобы онъ на эти деньги напечаталъ для него по нѣскольку экземпляровъ переведенныхъ повѣстей, имѣя намѣреніе разсылать ихъ по всѣмъ губерніямъ Россіи.

Нѣсколько пакетовъ было разослано еще при жизни отца моего; но какъ послѣ кончины его мы уѣхали за границу, то въ отсутствіе наше управляющій продалъ ихъ гуртомъ книгопродавцу.

Поощряя изданіе полезныхъ книгъ для народа, отецъ мой способствовалъ изданію многихъ книгъ въ семъ родѣ; даже заставилъ печатать картиночки для поощренія народа къ оспопрививанію, гдѣ изображались разные несчастные случаи вслѣдствіе натуральной оспы, и благотворныя дѣйствія оспопрививанія.

Около 1840-го года отецъ мой простилъ всѣ недоимки своимъ крестьянамъ, также частные мелочные долги небогатыхъ знакомыхъ и даже возвратилъ инымъ росписки, по тысячѣ рублей, надорвавъ ихъ.

XIX.

Въ 1840 году, зимою, у отца въ кабинетѣ былъ какой-то господинъ; когда онъ уходилъ, отецъ всталъ и хотѣлъ проводить его, какъ обыкновенно это дѣлалъ, но почувствовалъ себя нехорошо, не пошелъ и хотѣлъ опять сѣсть въ кресло, но упавъ мимо него, закричалъ, и матушка вбѣжала. Его подняли и перенесли въ спальню на постель, пославъ за докторами, Арендтомъ и Жалемъ. Долго онъ былъ боленъ и хотя нога отъ ушиба совершенно поправилась, но самъ онъ сталъ слабѣть, постепенно лишался зрѣнія, голоса и свободнаго движенія пальцевъ, такъ что съ трудомъ могъ держать перо въ рукѣ, чтобъ писать; ходилъ уже не такъ скоро и бодро какъ прежде. Все это доказывало, что съ нимъ, вѣроятно, былъ легкій нервный ударъ.

Перемѣна его здоровья сильно подѣйствовала на матушку; она три года сряду занемогала нервическою горячкою и отца моего это очень тревожило; послѣдняя болѣзнь ея обратилась въ *marasme* (изнурительную сухотку) и продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ.

Матушка прежде мнѣ часто говорила, чтобы въ опасныхъ болѣзняхъ не оставлять ее безъ причастія;

видя слабое ея положеніе, мы послали пригласить духовника ея, пастора Лоу (Law), пріѣхать съ причастіемъ, что очень ее обрадовало и она съ большимъ чувствомъ приняла Святыя Тайны. Это было за недѣлю до ея кончины.

При чрезвычайной ея слабости она до послѣдняго дня выходила въ другія комнаты и лежала на диванѣ, болѣе въ забытьи, а приходя въ себя, съ особеннымъ умиленіемъ часто повторяла: *Sweit Iesus* (Іисусе сладчайшій!...).

Въ послѣдній вечеръ сильно склонялъ ее сонъ; мы довели ее до кровати; она была уже съ закрытыми глазами. Когда отецъ подошелъ къ ней и взялъ поцѣловать ея руку, чтобы проститься съ нею, то замѣтилъ, что рука ея очень опухла; онъ заплакалъ, понявъ, что послѣдній часъ ея наступилъ. Всю ночь мы не отходили отъ нея и въ 4 часа утра она скончалась 16-го августа 1843 года.

По кончинѣ матушки обряды совершались по-православному: читали Псалтирь, служилъ каждый день панихиды русскій священникъ, а потомъ, при выносѣ, былъ англійскій пасторъ и провожалъ до церкви, гдѣ встрѣтилъ пасторъ нѣмецкій и послѣ отпѣванія оба пастора провожали до кладбища.

Отецъ мой еще при жизни матушки хлопоталъ о пріобрѣтеніи въ Сергіевской пустынѣ на кладбищѣ двухъ мѣстъ, но какъ въ то время тамъ не были отводимы мѣста для иностранцевъ и Митрополитъ не дозволялъ, то она сама назначила похоронить ее на кладбищѣ въ Мартышкинѣ, въ верстѣ отъ нашей приморской дачи.

Тамъ много уже было положено англичанъ, ей знакомыхъ, и она пожелала туда же. Мѣсто это мы украсили лучшими деревьями съ нашей дачи, около могилы развели цвѣтники, а на другое лѣто поставили памятникъ.

Отецъ мой послѣ матушки жилъ полтора года, ужасно грустилъ, но былъ кротокъ какъ ангелъ, со всѣми нѣженъ и ласковъ; часто я видѣла, какъ слезы катились по лицу его; трогатальны были тихая его печаль и смиреніе. Послѣднюю зиму онъ видимо чрезвычайно слабѣлъ, не выѣзжалъ, не гулялъ и не ходилъ по комнатѣ; только послѣ обѣда и отдыха разъ въ день онъ обходилъ кругомъ комнатъ; мы его поддерживали, и когда доходилъ онъ до зала, гдѣ всѣ сидѣли, то садился на диванѣ; предъ нимъ ставили столикъ и питье. Тогда для него заводили органъ, который игралъ цѣлый вечеръ. Онъ очень любилъ музыку; слухъ его и особенно память сохранились до послѣднихъ дней его жизни. Онъ даже помнилъ способности и недостатки всѣхъ ему знакомыхъ людей.

За нѣсколько дней до его кончины, всѣ мы, по обыкновенію, сидѣли въ залѣ и онъ тутъ же; вдругъ ему сдѣлалось дурно; мы бросились развязывать ему галстукъ и платье, почти на рукахъ перенесли его въ спальню и положили на кровать. Послали за докторомъ, который, пріѣхавъ, осмотрѣлъ его и сказалъ, что это уже послѣдніе дни его жизни. На другой день онъ нехотѣлъ остаться въ кровати и лежалъ, одѣтый, на диванѣ. Такъ продолжалось три дня.

Наступилъ праздникъ Благовѣщенія; мы предложили

ему пріобщиться Святыхъ Таинъ, чему онъ очень обрадовался, приказалъ одѣть себя прилично, и какъ въ это время шла служба въ церкви, то послали карету за нашимъ духовникомъ, который пріѣхалъ въ полномъ облаченіи со Святыми Дарами. Отецъ мой, въ ожиданіи, сидѣлъ на диванѣ. При входѣ священника онъ всталъ, (мы его поддерживали;) пріобщился онъ стоя.

Съ 28-го числа онъ уже не вставалъ съ кровати и жизнь его угасала постепенно, безъ страданій. Всѣ дѣти его и внуки окружали его неотлучно; хотя онъ не говорилъ уже и не просилъ ничего, не открывалъ глазъ послѣдніе два дня, но когда мы давали ему съ чайной ложечки питье, то онъ пожималъ руку въ знакъ, что онъ чувствовалъ до послѣдней минуты. Тихая и покойная смерть праведника поразила всѣхъ насъ; при всей скорби, утѣшительно для каждаго близкаго видѣть такую христіанскую кончину. Она осталась для насъ незабвенною. Въ два часа пополуночи онъ скончался 30-го марта 1845 г.

Когда узнали въ городѣ о его кончинѣ, множество лицъ разнаго сословія приходили ему поклониться, и какъ на это не было запрещенія, то послѣдній день, предъ выносомъ, можно сказать, приходили толпою, особенно купечество и моряки, большая часть совершенно незнакомыхъ.

Много было и тѣхъ, которые съ горестью приходили поклониться и оплакивали своего благотворителя.

На выносъ моего отца пріѣзжали Государь и Великіе Князья, и за гробомъ прошли всю площадь.

Онъ похороненъ въ Александро-невской лаврѣ, и

когда, во время преждеосвященной литургіи вносили его въ церковь, въ ту минуту раздалось умилительное трехголосное пѣніе, какъ бы самихъ ангеловъ: *Да исправится молитва моя!..* что очень тронуло многихъ.

Въ Александро-невской лаврѣ положены родители его и многіе родные.

Недѣлю спустя, мы говѣли;—отрадно мнѣ было слышать слова уважаемаго нашего духовника, который послѣднее время часто навѣщалъ моего отца, сочувствуя нашей горести; онъ мнѣ сказалъ: „четыре года я посѣщалъ сего смиреннаго, великаго христіанина и признаю его за истинно-праведнаго“.

Разсказывала мнѣ одна особа о слышанномъ ею разговорѣ двухъ заслуженыхъ старичковъ, шедшихъ тоже за гробомъ моего отца; оба они горько плакали и одинъ другому говорилъ: „вотъ какъ насъ Господь привелъ во время быть здѣсь! были мы за двѣ тысячи верстъ въ разныхъ странахъ, и теперь съѣхались, какъ-будто для того, чтобы отдать послѣдній долгъ этому святому человѣку!“ Повидимому, почтенные старички эти были изъ числа черноморскихъ его сослуживцевъ.

Отецъ мой былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, въ которыхъ соединялись всѣ достоинства ума, сердца и глубокихъ познаній; онъ опередилъ своихъ современниковъ на много лѣтъ. Одинъ недостатокъ онъ имѣлъ, если можно назвать недостаткомъ,—его вспыльчивость; она происходила отъ энергическихъ его чувствъ, но послѣдніе годы онъ и въ томъ себя смирилъ. Богу

угодно было укрѣпить нашу надежду, что въ будущей жизни Онъ наградитъ его вѣчнымъ блаженствомъ.

Такъ сошелъ въ могилу сей знаменитый человѣкъ! Да возгордится каждый русскій, что онъ былъ его соотечественникомъ и да будетъ онъ примѣромъ всему своему потомству—внукамъ и правнукамъ!
